

Великие романы

Дэвид Уоллес

Короткие интервью с подонками

«Издательство АСТ»

1999

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Уоллес Д. Ф.

Короткие интервью с подонками / Д. Ф. Уоллес — «Издательство АСТ», 1999 — (Великие романы)

ISBN 978-5-17-113337-5

«Короткие интервью с подонками» – это столь же непредсказуемая, парадоксальная, сложная книга, как и «Бесконечная шутка». Книга, написанная вопреки всем правилам и канонам, раздвигающая границы возможностей художественной литературы. Это сочетание черного юмора, пронзительной исповедальности с абсурдностью, странностью и мрачностью. Отваживаясь заглянуть туда, где гротеск и повседневность сплетаются в единое целое, эти необычные, шокирующие и откровенные тексты погружают читателя в одновременно узнаваемый и совершенно чуждый мир, позволяют посмотреть на окружающую реальность под новым, неожиданным углом и снова подтверждают то, что Дэвид Фостер Уоллес был одним из самых значимых американских писателей своего времени. Содержит нецензурную брань.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-113337-5

© Уоллес Д. Ф., 1999
© Издательство АСТ, 1999

Содержание

Радикально сжатая история постиндустриальной жизни	7
Смерть – это еще не конец	8
Вечно наверху	10
Короткие интервью с подонками	16
Очередной пример проницаемости некоторых границ (XI)	24
Личность в депрессии	25
Дьявол – человек занятой	40
Думай	41
Но смысла нет	42
Короткие интервью с подонками	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дэвид Фостер Уоллес

Короткие интервью с подонками

David Foster Wallace

BRIEF INTERVIEWS WITH HIDEOUS MEN

В оформлении использована иллюстрация *Михаила Емельянова*

Copyright © David Foster Wallace, 1999

The moral right of the author had been asserted.

© Сергей Карпов, перевод, 2019

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

***

Наиболее значительный писатель своего поколения.

NLR

Значение Уоллеса как литературного новатора огромно...

Это увлекательная и поразительно изобретательная книга... головокружительный галоп по широкому фронтиру современной литературы.

Daily Telegraph

Столь же умная и интригующая книга, как и «Бесконечная шутка».

The Times

***

Настоящим автор благодарит за щедрую и непредвзятую поддержку фонд Ланнана, фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, The Paris Review, персонал и менеджеров круглосуточного семейного ресторана Denny's в городе Блумингтон, штат Иллинойс

Все события и персонажи этой книги, кроме тех, что совершенно точно находятся в общественном достоянии, вымышлены, и любое совпадение с реальными людьми, живыми или мертвыми, полностью случайно.

Благодарность также выражена различным изданиям, в которых отрывки из этой книги впервые появились в самых разнообразных формах: Between C&G, Conjunctions, Esquire, Fiction International, Grand Street, Harper's, «Лучшие американские рассказы 1992» от Houghton Mifflin, Mid-American Review, New York Times Magazine, Open City, The Paris Review, Ploughshares, Private Arts, Santa Monica Review, spelunker fl ophouse и Tin House.

***

*Посвящается Бен-Эллен Сицилиано и Элис Р. Далл,
отвратительным слушательницам sine pari¹*

---

¹ Несравненные (*лат.*)

Радикально сжатая история постиндустриальной жизни

Когда их представили, он сострил, чтобы понравиться. Она натужно рассмеялась, чтобы понравиться. Потом они в одиночку разъехались по домам, уставившись прямо перед собой с одинаковыми гримасами.

Тому, кто их представил, они оба не нравились, хоть он и притворялся, что это не так, по своему обыкновению ни в коем случае не желая испортить хорошие отношения. А то ведь никогда не знаешь, правда же правда же правда же.

Смерть – это еще не конец

Пятидесятишестилетний поэт, нобелевский лауреат, поэт, известный в американских литературных кругах как «поэт поэтов» или иногда просто «Поэт», лежал на веранде, с голой грудью, умеренно упитанный, в слегка наклоненном шезлонге, на солнце, читал, полулежа, умеренно, но не критично упитанный, обладатель двух Национальных книжных премий, премии Национального круга книжных критиков, Приза Ламонт, двух грантов от Национального фонда искусств, Prix de Rome, стипендии фонда Ланнан, медали Макдауэлла и прижизненной награды Милдред и Гарольда Страусс от Американской академии и института искусств и литературы, почетный президент PEN-клуба, поэт, которого два разных поколения американцев называли голосом своего поколения, пятидесятишестилетний, он лежал в невлажных плавках XL Speedo в постепенно меняющем наклон полотняном шезлонге, стоявшем на облицованном плиткой настиле у домашнего бассейна, поэт, который был в числе первых десяти американцев, получивших престижный «Грант Гения» от фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, один из трех ныне живущих американских нобелевских лауреатов по литературе, 170 см, 82 кг, глаза карие, линия волос неровная из-за того, как непоследовательно приживались/отторгались трансплантаты от различных брендов «Системы по наращиванию волос», он сидел или лежал – или, если говорить точнее, просто «откинулся» – в черных плавках Speedo у домашнего бассейна в форме почки², на облицованном плиткой настиле у бассейна в переносном шезлонге, чья спинка уже была отклонена на четыре щелчка до угла в 35° отн. мозаичной облицовки, в 10:20 утра 15 мая 1995 года, четвертый из списка самых антологизируемых поэтов в истории американской художественной литературы, у зонтика, но не в самой тени, он читал «Ньюсуик»³, пользуясь скромным брюшком как наклонной подставкой для журнала, – а также во вьетнамках, – подложив руку под затылок, вторую свесив, чтобы водить по охряно-бурым узорам на дорогой испанской керамической плитке, иногда смачивая палец, чтобы перевернуть страницу, в корректирующих очках, чьи линзы благодаря химической обработке затемнились пропорционально интенсивности света, на второй руке – наручные часы среднего качества и цены, на ногах – вьетнамки из заменителя резины, лодыжка лежит на лодыжке, а колени слегка расставлены под безоблачным и ослепительным небом с ползущим навстречу и направо солнцем, поэт смачивал палец не слюной или потом, а конденсатом с тонкого матового стакана чая со льдом, который сейчас стоял на границе тени, падающей от тела, сверху слева от шезлонга, и который надо было переставить, чтобы тот остался в прохладе, поэт праздно поводил пальцем по стеклу стакана, прежде чем праздно поднять смоченный палец к странице, – впрочем, их он переворачивал изредка, страницы журнала «Ньюсуик» от 19 сентября 1994 года, читал о реформе здравоохранения в США и о трагическом рейсе USAir № 427, читал аннотации и положительные отзывы на популярные документальные книги «Горячая зона» и «Грядущая чума», иногда переворачивал несколько страниц подряд, пропуская отдельные статьи и аннотации, выдающийся американский поэт, ему осталось четыре месяца до пятидесяти семи лет, поэт, которого «Тайм», главный конкурент «Ньюсуика», однажды, как это ни абсурдно, нарек «почти что воплощением подлинного литературного бессмертия среди ныне живущих литераторов», его голени почти без волос, овальная тень открытого зонта понемногу сужается,

---

² А также первый за 94 года выдающейся истории Нобелевской премии по литературе поэт американского происхождения, получивший заветную Нобелевскую премию по литературе.

³ Но не обладатель стипендии фонда Джона Саймона Гуггенхайма: после трех отказов в начале творческого пути у него были основания полагать, что на суждения комитета стипендии Гуггенхайма влияло нечто личное и/или политическое, и Поэт решил, что будь он проклят, пусть его гром разразит, если он еще раз наймет в помощники аспиранта, чтобы тот заполнил три утомительных экземпляра формы на стипендию фонда Гуггенхайма, и когда-либо снова пройдет утомительный презренный фарс «объективного» рассмотрения.

подошвы вьетнамок из заменителя резины шагренированы с обеих сторон, лоб поэта усеивали капельки пота, загар темный и интенсивный, внутренняя часть бедер почти без волос, пенис тесно свернулся колечком в тесных плавках, борода клинышком тщательно расчесана, на железном столике пепельница, он не притрагивался к чаю со льдом, изредка откашливался, время от времени слегка ерзал в пастельном шезлонге, чтобы празднично почесать предплюсну большим пальцем другой стопы, при этом не снимая вьетнамок и не глядя ни на одну из ног, словно бы погрузившись в изучение журнала, справа – голубой бассейн и наискосок слева – задняя рольдверь из толстого стекла, а между ним и бассейном – круглый столик из белого плетеного железа, пронзенный в центре огромным пляжным зонтом, тень которого уже не достает до бассейна, достигший всего поэт читал свой журнал в своем шезлонге у своего бассейна за своим домом. Бассейн и настил у дома окружены с трех сторон деревьями и кустарником. Уже давно высаженные, они тесно переплелись, спутались и служат, по сути, той же цели, что и забор из красного дерева или стена из мелкого камня. Разгар весны, деревья и кустарники в цвету, ярко-зеленые и спокойные, они отбрасывали сложные тени, и небо целиком голубое и спокойное, так что вся замкнутая композиция с бассейном, верандой, поэтом, шезлонгом, столиком, деревьями и задним фасадом дома очень спокойна, и безмятежна, и практически безмолвна, слышно только тихое бульканье насоса в бассейне и изредка самого поэта, который откашливается или листает журнал «Ньюсуик», – ни птиц, ни далеких газонокосилок или кусторезов, ни устройств для борьбы с сорняками, ни самолетов над головой, ни приглушенных звуков из бассейнов домов по обеим сторонам от дома поэта – ничего, кроме дыхания бассейна и изредка горла поэта: все спокойно, безмятежно, замкнуто, даже ни намека на ветерок в листьях деревьев и кустарников, безмолвная живая, ограждающая флора неподвижна, зелена, живописна, вездесуща и не похожа ни на что на свете ни видом, ни сутью⁴.

---

⁴ Это не совсем правда.

Вечно наверху

С днем рождения. Тринадцатилетие – дело серьезное. Считай, что ты впервые выходишь в свет. Твое тринадцатилетие – шанс для других узнать, как много важного сейчас с тобой происходит.

Узнать о том, что изменилось за последние полгода. У тебя уже семь волосинок в левой подмышке. Двенадцать в правой. Жесткие опасные спирали хрупких черных волос. Хрустких, звериных волос. А у гениталий их уже столько, что ты со счета сбился. И это не всё. Голос у тебя стал глубоким, скрипучим и прыгает между октавами без всякого предупреждения. Лицо начинает блестеть, если долго не умываться. И прошлой весной у тебя две недели что-то жутковато болело в животе, а потом опустилось изнутри: теперь твоя мошонка полная и уязвимая – груз, который надо защищать. Приподнятый, стянутый тугими плавками, которые полосуют ягодицы красными разводами. Ты дорос до новой хрупкости.

И сны. Уже месяцами тебе снятся ни на что не похожие сны: влажные, оживленные и какие-то чужие, в них полно податливых изгибов, неистовых поршней, тепла и падений с большой высоты; и ты пробуждаешься, веки трепещут, и вот прилив, поток и пронзительное, поразительное чувство, словно разряд из таких глубин, о которых ты и не подозревал, судороги пронизывающей сладкой боли, острые звезды на черном потолке спальни от уличных фонарей, чьи лучи пробиваются сквозь жалюзи, и между ног шепчет густой белый джем, сочится и липнет, стынет на коже, твердеет и исчезает в утреннем душе, оставляя только заскорузлые узлы бледных твердых звериных волос, и в их влажном переплетении – чистый сладкий запах, и тебе не верится, что он – из тебя.

* * *

Запах больше всего напоминает этот бассейн: сладкая соль хлорки, цветок с химическими лепестками. У бассейна сильный ясный синий запах, хотя ты знаешь, что он не такой сильный, когда ты в самой синей воде, как сейчас, когда ты, наплававшись, облокотился о бортик на мелководье, и там вода по бедра плещет туда, где все изменилось.

Вокруг старого общественного бассейна на западной окраине Тусона – ограда из рабицы цвета олова, украшенная яркой гроздью пристегнутых велосипедов. За ней – черная горячая парковка, полная белых линий и блестящих машин. Унылое поле сухой травы и жестких сорняков, пушистые головки одуванчиков взрываются и снежат на усиливающемся ветру. А за всем этим – горы, подрумяненные круглым медленным сентябрьским солнцем, зазубренные, острые углы их вершин все четче и чернее проявляются на фоне темно-красного уставшего света. На этом фоне из колючих соединенных пиков получается зубчатая линия, ЭКГ умирающего дня.

У края неба облака набирают цвет. Вода в нежно-голубых блестках, по-пятичасовому теплая, и запах бассейна, как тот самый запах, соприкасается с химической дымкой внутри тебя, внутренней темнотой, которая искажает свет по своему разумению, смягчает разницу между тем, что уходит, и тем, что начинается.

Сегодня твой день. За обедом, на день рождения, ты попросил пойти в бассейн. Хотел отправиться один, но день рождения – семейный праздник, и семья хочет быть с тобой. Это мило, и ты не можешь объяснить, почему хотел пойти один, и на самом деле, по правде, может, и не хотел пойти один, так что они здесь. Загорают. Твои родители загорают. По их шезлонгам весь день можно было отмечать время, они вращались, отслеживая дугу солнца на пустынном

небе, прожаренном до корочки. Рядом на мелководье играют в Марко Поло⁵ твоя сестра с группой худеньких девочек из ее класса. Сейчас водит она – ее Марко уже оПолили. Она с закрытыми глазами вертится на окрики, крутится, как втулка, в колесе из визжащих девчонок в купальных шапочках. На ее шапочке – рельефные резиновые цветы. Старые обвисшие розовые лепестки дрожат, когда она вслепую мечется на звук.

На другом конце бассейна – место для прыжков в воду и вышка с доской. Позади на настиле – К ФЕ, а по бокам – прикрученные над цементными входами в темные влажные душевые кабинки и раздевалки серые металлические рупоры, откуда идет радиомузыка, нестройно-плоская и звонко-тонкая.

Семья тебя любит. Ты смысленый и тихий, уважаешь старших – но и хребет у тебя есть. В целом ты молодец. Присматриваешь за младшей сестрой. Ты ее союзник. Тебе было шесть, когда ей было ноль, и ты болел свинкой, когда ее принесли домой в очень мягком желтом одеялке; ты поцеловал ее в ножки, чтобы она не подхватила свинку. Родители сказали, что это хорошее предзнаменование. Что оно задает тон. Теперь им кажется, что они не ошиблись. Они гордятся тобой во всех отношениях, довольны, и удалились на дружелюбную дистанцию, откуда излучают гордость и удовлетворение. Вы все хорошо ладите.

***

С днем рождения. Большой день, большой, как свод всего юго-западного неба. Ты все продумал. Вон высокая доска. Скоро они захотят уходить. Залезай и вперед.

Стряхни чистую синюю воду. Ты прохлорированный, рыхлый и мягкий, разваренный, подушечки пальцев – в морщинках. В глазах – туман от запаха слишком чистого бассейна; он преломляет свет до нежного цвета. Постучи по голове ладонью. С одной стороны вялое эхо. Наклони голову и подпрыгни – и сразу внезапное тепло, восхитительное, и согретая мозгом вода холодеет на ракушке уха. Жестяная музыка слышится отчетливее, крики – ближе, больше движения в большей воде.

Бассейн для такого позднего часа переполнен. Тут и тощие детишки, и зверино-волосатые мужчины. Непропорциональные мальчишки – сплошь шеи, ноги и узловатые мослы, впалые груди, чем-то напоминающие птичьи. Как у тебя. Тут и старики, неуверенно двигаются на тонких ногах по мелководью, поводя в воде руками, чужие в любой стихии.

И девочки-женщины, женщины, все в изгибах, как музыкальные инструменты или фрукты, кожа под светло-коричневым лаком, лифчики купальников на деликатных узелках хрупких цветных ниток поддерживают таинственный вес, плавки сидят низко, обхватывают плавные выступы бедер, совсем непохожих на твои, – чрезмерные изгибы и извивы легко сливаются с одеждой, которая поддерживает и вмещает мягкие окружающие как что-то драгоценное. Ты почти понимаешь.

Бассейн – система движения. Здесь всё: круги, дуэли брызгами, нырки, гонки, бомбочки, салочки, прыжки с высоты, Марко Поло (твоя сестра все еще водит, сейчас расплачется, она уже слишком долго водит, игра балансирует на грани жестокости, спасать или опозорить – не твое дело). Два чистых ослепительно-белых мальчишки в плащах из хлопковых полотенец носятся вдоль бортика, пока спасатель окриком в мегафон не превращает их в истуканов. Спасатель бурый, как дерево, на животе вертикальная полоска светлых волос, на голове шляпа исследователя джунглей, на носу белый треугольник крема. Одну из ножек вышки обвила рукой девочка. Ему скучно. Теперь вылезай и иди мимо родителей, которые загорают и читают, не поднимая взгляд. Забудь о полотенце. Остановишься ради полотенца – придется говорить, а говорить значит думать. Ты уже решил для себя, что люди боятся в основном из-за того,

---

⁵ Жмурки в бассейне.

что много думают. Иди прямо к глубокому концу. Над ним огромная железная башня грязно-белого цвета. С ее вершины выступает языком доска. Бетонный край бассейна жесткий и горячий под прохлорированными ногами. Каждый следующий отпечаток стоп все тоньше и слабее. Они съезживаются позади тебя на горячем камне и исчезают.

В бассейне под вышкой, который совершенно сам по себе, свободен от судорожного балета голов и рук, качаются линии пластиковых сосисок. Он синий как энергия, маленький, глубокий и идеально квадратный, окаймлен плавательными дорожками, К ФЕ, горячим голым бортиком и выгнутой вечерней тенью от вышки и доски. Он тих и спокоен, и исцеляется, разглаживается между падениями.

В них есть ритм. Как у дыхания. Как у машины. Очередь к доске изгибается вдаль от лестницы, ведущей на вышку. Очередь движется по своей кривой, выпрямляется у подножия. Один за другим люди подходят к лестнице и поднимаются. Один за другим, как удары сердца, достигают языка доски на вершине. А там замирают, на одну и ту же крошечную паузу, равную удару сердца. И ноги несут их к концу, где все, одинаково притопнув, подпрыгивают, вытянув и согнув руки, словно описывая что-то округлое, совершенное; тяжело приземляются на край доски, чтобы та подбросила их вверх и вперед.

Швыряющая машина, линии заторможенных движений в сладком хлористом тумане. Снизу ты видишь, как люди бьются о холодную синюю скатерть бассейна. Каждое падение плюмажем взметает белизну, которая падает на себя, разбегается и шипит. Потом посреди белизны появляется чистая синева и ширится, как пудинг, обновляя поверхность. Бассейн исцеляет сам себя. Три раза, пока ты идешь к вышке.

Ты в очереди. Оглядишься. Стой со скучающим видом. В очереди почти не говорят. Все в себе. Большинство смотрят на лестницу, со скучающим видом. Почти все скрестили руки, озябнув от усиливающегося вечернего ветерка, который сушит созвездия чисто-синих хлорных капель, покрывающих спины и плечи. Кажется невозможным, что всем может быть настолько скучно. Позади тебя край тени от вышки, черный язык от образа доски. Система теней огромная, длинная, перекошенная, сходится с основанием вышки под острым вечерним углом.

Почти все в очереди к доске смотрят на лестницу. Мальчики постарше смотрят на попы девочек постарше, когда те поднимаются выше. Попы в мягкой тонкой ткани, натянутом упругом нейлоне. Хорошие попы двигаются вверх по лестнице как маятники в жидкости, передавая нежный код, который не взломать. При виде ног девочек ты думаешь о ланях. Стой со скучающим видом.

Гляди мимо. Гляди через бассейн. Все отлично видно. Твоя мама в шезлонге, читает, щурится, подняв лицо к солнцу, чтобы загорели щеки. Она не смотрела, где ты. Попивает что-то сладкое из блестящей банки. Твой папа лежит на животе, живот у него большой, спина напоминает горб кита, плечи кудрявятся звериными спиральками, кожа промаслена и пропитана красно-коричневым от слишком сильного загара. Твое полотенце свисает с шезлонга, и его уголок качается – мама задела, отгоняя пчелу, которой нравится банка. Пчела тут же вернулась и как будто неподвижно висит над банкой сладким пятнышком. Твое полотенце – большая морда медведя Йоги.

В какой-то момент очередь позади тебя стала больше, чем впереди. И вот, наконец, перед тобой никого, не считая троих на тесной лестнице. Женщина на нижних ступеньках смотрит вверх, на ней обтягивающий черный нейлоновый купальник, закрытый. Она поднимается. Сверху трясет, потом долгое падение, потом плюмаж воды и бассейн вновь исцеляется. Теперь на лестнице двое. По правилам бассейна на лестнице не должно быть больше одного человека, но спасатель об этом никогда не кричит. Это он своим криком устанавливает настоящие правила.

Женщине перед тобой не стоит носить такой обтягивающий купальник. Ей столько же лет, сколько твоей маме, она такая же большая. Слишком большая и слишком белая. Она пере-

полняет купальник. Бедра сзади сдавлены тканью и похожи на сыр. На ногах под белой кожей резкие загогулины холодных синих трещин-вен, как будто там, в ногах, что-то треснуло, болит. Как будто ногам, исписанным арабской вязью холодной разбитой синевы, больно оттого, что их так стискивает. От них ноги заболели у тебя.

Ступеньки очень тонкие. Неожиданно. Тонкие круглые железные ступеньки со скользкой и влажной тканью. От запаха влажного железа в тени ты чувствуешь во рту привкус металла. Каждая ступенька вдавливается в подошвы и мнет их. Глубоко, больно. Чувствуешь себя тяжелым. Как же тогда себя чувствует толстая женщина перед тобой? Перила по бокам лестницы тоже очень тонкие. Ты как будто не держишься. Остается надеяться, что женщина держится крепко. И, конечно, издалека казалось, что ступенек меньше. Ты же не дурак.

Пройдено полпути, над тобой стоит толстая женщина, на лестнице под ногами – крепкий лысый мускулистый мужчина. Доска высоко над головой, невидима отсюда. Но она дрожит и тяжело шлепает по воздуху, и, черт, ты видишь сквозь тонкие ступеньки падение человека, эти несколько метров, обрамленных лестницей, – колени у груди, чтобы упасть бомбочкой. В поле зрения – огромный восклицательный знак пены, рассеянные шлепки сменяются мощным шипением. Затем опять немой звук исцеления бассейна – и новая синева.

Еще тонкие ступеньки. Держись крепче. Радио здесь громкое, один из динамиков над бетонным входом в раздевалку – на уровне головы. Прохладный сырой дух из раздевалки. Схватись за железные прутья покрепче, развернись и посмотри вниз, увидишь, как под тобой покупают закуски и прохладительные напитки. Ты смотришь на них сверху: чистая белая шапочка продавца, рожки мороженого, дымящиеся латунные холодильники, акваланги с сиропами, змеи шланга с газировкой, выпуклые коробки с соленым попкорном, горячие на жаре. Теперь когда ты над ними, то видишь все.

Ветер. Чем выше, тем ветреней. Ветер слабый; в тени холодит твою влажную кожу. На лестнице в тени твоя кожа очень белая. Ветер еле слышно свистит в ушах. Еще четыре ступеньки до верхушки. От них больно ногам. Они тонкие и дают знать, сколько ты вешишь. На лестнице у тебя настоящий вес. Земля хочет тебя вернуть.

Теперь ты смотришь поверх лестницы. Видишь доску. Там женщина. На ее лодыжках, сзади, два рубчика красных, болезненных на вид мозолей. Она стоит у начала доски, ее лодыжки у тебя перед глазами. Теперь ты над тенью вышки. Крепкий мужчина под тобой смотрит в обрамленное ступеньками пространство, где упадет женщина.

Она замирает на тот самый удар сердца. Все происходит так быстро. От этого тебе холодно. Вдруг она уже на конце доски – вверх, вниз, доска выгибается, словно не хочет, чтобы на ней стояли. Потом уходит вниз, хлопает и жестоко швыряет женщину вверх и вперед, ее руки описывают тот самый круг и она пропадает. Исчезает в один жуткий миг. Проходит время, прежде чем ты слышишь удар внизу.

Слушай. Тебе не нравится, как она пропадает во времени перед всплеском. Как камень в колоде. Но ты думаешь, что она так не думала. Она была в ритме, запрещающем думать. А теперь и ты стал его частью. Ритм кажется слепым. Как у муравьев. Как у машины.

Ты решаешь, что об этом надо подумать. Иногда нормально делать что-то страшное, не раздумывая, но не тогда, когда страшно как раз не думать. Не тогда, когда не думать – неправильно. В какой-то момент неправильности накопились грудой: притворная скука, вес, тонкие ступеньки, боль в ногах, нарезанное лестницей пространство, которое сливается только в исчезновении, занимающем время. Ветер на лестнице, которого никто не ожидает. Доска выступает из тени в свет, и ты не видишь дальше ее конца. Когда все оказывается иначе, надо подумать. Это должно быть обязательно.

Лестница под тобой полна людей. Забита, через каждые пару ступенек. Лестницу кормит непрерывная сплошная очередь, что тянется назад и изгибается во мрак наклонной тени от

вышки. Люди в очереди сложили руки. У тех, что на лестнице, болят ноги, и они все смотрят наверх. Это машина, которая движется только вперед.

Заберись на язык вышки. Доска тянется так далеко. А время тоже тянется, пока ты там стоишь. Время замедляется. Густеет, а твое сердце выбивает все больше и больше ударов с каждой секундой, с каждым движением в системе бассейна вниз.

Доска длинная. Там, откуда ты стоишь, кажется, что она тянется в никуда. Она отправит тебя туда, куда нельзя заглянуть из-за ее длины, и кажется неправильным покоряться ей, даже не подумав.

Если взглянуть с другой стороны – та же доска всего лишь длинная тонкая плоская штука, покрытая грубым белым пластиком. Белая поверхность очень жесткая, рябая и разлинована бледным, водянистым красным цветом, который, тем не менее все еще красный, а не розовый, – это капли старой воды из бассейна, на которые падает свет вечернего солнца над острыми горами. Жесткий белый пластик доски влажный. И холодный. Ноги невероятно чувствительны, болят от тонких ступенек. Чувствуют твой вес. Над началом доски есть перила. Не такие, как только что были на лестнице. Толстые и очень низкие, – чтобы держаться за них, надо почти согнуться. Они только для виду, никто за них не держится. Если держаться, потратишь время и собьешь ритм машины.

Длинный жесткий белый пластик или стеклопластик доски в прожилках печального, почти розового цвета дешевой конфеты.

Но в конце белой доски, на краю, где надо давить всем своим весом, чтобы подбросило, есть два участка темноты. Две плоские тени на свету. Два нечетких черных овала. На конце доски два грязных пятна.

Они от всех тех, кто прошел до тебя. Когда ты встаешь там, ноги еще чувствительные, вмятины от ступенек не прошли, больно ступать по жесткой мокрой поверхности, и ты видишь, что эти два темных пятна – от человеческой кожи. Кожи, стертой с ног резким исчезновением людей с реальным весом. Тут было так много людей, что трудно посчитать, не сбившись. Вес и трение от их исчезновения оставляют крошечные частички мягкой нежной кожи – частички, шелуху и завитки кожи, – и те пачкаются, темнеют и буреют, крошечные и размазанные под солнцем на конце доски. Они копятя, размазываются и смешиваются. Темнеют двумя овалами.

Вне тебя время не идет. Поразительно. Внизу вечерний балет в замедленном движении, размашистые движения мимов в синем желе. Если бы ты захотел, то мог бы по-настоящему остаться тут навсегда, так быстро вибрируя внутри, что застыл бы неподвижно во времени, как пчела над чем-нибудь сладким.

Но им же надо было вымыть доску. Любой, кто задумается хоть на секунду, поймет, что надо было отмыть конец доски от человеческой кожи, от двух черных скоплений, оставшихся от прошлого, – от пятен, которые отсюда похожи на глаза, слепые и косые глаза.

Там, где ты сейчас, тихо и спокойно. Ветер радио крики плеск – не здесь. Нет времени и нет звуков, только кровь скрипит в голове.

Вид и запах: вот что значит быть наверху. Запахи сокровенны, по-новому чисты. Запах хлорки – цветок особый, но из него к тебе поднимаются и другие, словно снег из семян сорняков. Ты чувствуешь ярко-желтый попкорн. Сладкое масло для загара, как горячий кокос. Хотдоги или корн-доги. Тонкая и жесткая нотка очень темного «Пепси» в бумажных стаканчиках. И особый запах многих тонн воды, которые стекают с многих тонн кожи, он валит, как пар над новой ванной. Звериный жар. Здесь, наверху, он реальнее всего.

Смотри. Ты видишь всю сложность, синее и белое, коричневое и белое, вымоченное в водянистых блестках темнеющего на глазах красного цвета. Всё. Вот что люди называют пре-

красным видом. И ты знал, снизу не покажется, что ты забрался так высоко наверх. Но теперь ты видишь, как же ты высоко. Еще там, внизу, ты знал, что никто не сможет этого понять.

Он говорит позади тебя, смотрит на твои лодыжки, этот крепкий лысый мужчина: Эй, пацан. Они хотят знать. Ты тут на весь день или что вообще за дела. Эй, пацан, ты в порядке.

Все это время шло время. Нельзя убить время сердцем. Все требует времени. Чтобы замереть, пчелам приходится двигаться очень быстро.

Эй, пацан, спрашивает он, Эй, пацан, ты в порядке.

На твоём языке расцветают металлические цветы. Больше нет времени на размышления. Теперь, когда время вернулось, у тебя его больше нет.

Эй.

И вот медленно чужие взгляды разбегаются вовне, от лестницы, как круги по воде. Вот твоя уже зрячая сестра и ее тощая белая ватага показывают на тебя пальцами. Мама смотрит на мелководье, где ты недавно был, прикрывает глаза ладонью. Кит ворочается и дрожит. Смотрит вверх спасатель, смотрит вверх девочка у его ног, он тянется к мегафону.

Внизу, в невероятной дали, жесткий бортик, закуски, жестяная музыка – внизу, где ты был раньше; очередь непрерывна, у нее нет заднего хода; да и вода, конечно, мягкая, только когда ты в ней. Посмотри вниз. Теперь она двигается на солнце, в ней полно твердых монеток света, отливающих красным, они простираются в дымку из твоей собственной сладкой соли. Монетки дробятся на новые луны, длинные осколки света из сердца печальных звезд. Квадратный бассейн – холодная синяя простыня. Холод – это та же твердость. Та же слепота. Тебя застали врасплох. С днем рождения. Все ли ты продумал. Да и нет. Эй, пацан.

Два черных пятна, резкость – и исчезновение в колодце времени. Высота не проблема. Все меняется, когда возвращаешься вниз. Когда бьешься всем своим весом.

Так что из этого ложь? Твердость или мягкость? Тишина или время?

Ложь в том, что есть либо одно, либо другое. Неподвижная парящая пчела движется быстрее, чем думает. Она в небе, и сладость внизу сводит ее с ума.

Доска кивнет, и ты уйдешь, и только глаза кожи слепо косятся в забитое облаками небо, в проколотый свет, и он льется за острый камень, который и есть вечность. Вечность. Войди в кожу и исчезни.

Привет.

Короткие интервью с подонками

КИ № 14 08/96

СЕНТ-ДЭВИДС, ПЕНСИЛЬВАНИЯ

Мне это стоило всех сексуальных отношений. Не знаю, зачем я так делаю. Я далек от политики, всегда был далек. Я не из тех, которые «Америка, вперед!», читают газеты, пройдет ли там Бьюкенен. Вот занимаюсь этим с какой-нибудь девушкой, не важно с какой. И когда я кончаю. Тогда и начинается. Я не демократ. Я даже не голосую. Один раз сорвался и позвонил насчет этого на радио, доктору на радио, анонимно, и он поставил диагноз – неконтролируемые выкрики произвольных слов или фраз, часто оскорбительных или нецензурных, официально называется «копролалия». Только когда я кончаю и начинаю кричать – это не оскорбления, ничего непристойного, а всегда одно и то же, и всегда так странно, хотя вряд ли даже оскорбительно. По-моему, просто странно. И произвольно. Как будто эти слова выходят так же, как выходит сперма, такое ощущение. Не знаю, откуда это взялось, и ничего не могу с собой поделать.

Вопрос.

«Победа Силам Демократической Свободы!» Только намного громче. Как бы реально кричу. Произвольно. Я об этом даже не думаю, пока сам не слышу. «Победа Силам Демократической Свободы!» Только громче: «ПОБЕДА...»

Вопрос.

Ну, психуют, а вы как думаете? А я просто умираю от стыда. Даже не знаю, что сказать. Что сказать, если крикнул: «Победа Силам Демократической Свободы!», когда кончил?

Вопрос.

Мне было бы не так стыдно, если бы не было так охрененно странно. Если бы я сам был в курсе, что это значит. Понимаете?

Вопрос...

Боже, мне теперь адски стыдно.

Вопрос.

Да в том-то и дело, что *нет* никакого второго раза. Я же говорю, мне это стоило всего. Я вижу, как они психуют, и мне стыдно, и я больше им не звоню. Даже если пытаюсь объяснить. Но есть и те, кто ведет себя так, будто им все равно, и ничего страшного, и они всё понимают, и с ними мне совсем стыдно, ведь это же так охрененно странно – кричать «Победа Силам Демократической Свободы!», когда отстреливаешься, – и я вижу, что на самом деле они психуют и просто снисходят до меня, и притворяются, что понимают, и именно такие в итоге чуть ли не бесят, и мне даже не стыдно больше им не звонить или избегать, – тех, которые говорят: «По-моему, я полюблю тебя и таким».

КИ № 15 08/96

БРИДЖУОТЕРСКОЕ ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ,
ОТДЕЛЕНИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ОЦЕНКИ,
БРИДЖУОТЕР, МАССАЧУСЕТС

Это склонность, и, если принять во внимание минимальное принуждение и безвредность, она, по сути, доброкачественная – думаю, вы согласитесь. И в целом, к вашему сведению, на удивление редкие случаи требуют какого-либо принуждения.

Вопрос.

С психологической точки зрения истоки этой склонности кажутся очевидными. Надо добавить, все психологи сходятся во мнениях на этот счет как здесь, так и там, снаружи. Так что все чистенько.

Вопрос.

Ну, мой отец, можно сказать, по естественной склонности не был хорошим человеком, но тем не менее усердно старался хорошим человеком быть. Сдержанным и тому подобное.

Вопрос.

Вы поймите, я же их не пытаю, не жгу.

Вопрос.

Склонность моего отца к гневу, особенно [неразборчиво или искажено] в очередной раз в травмункте, и боялся собственной несдержанности и склонности к бытовому насилию, это какое-то время накапливалось, и наконец он прибегнул – не сразу, после долгого периода безуспешных психотерапевтических консультаций, – к практике сковывать собственные запястья наручниками за спиной, когда не мог сдерживаться. Дома. В быту. Знаете, такие вроде бы незначительные бытовые инциденты, которые действуют на нервы. Через какое-то время это самоограничение начало прогрессировать, и чем больше он злился, тем больше принуждал нас его ограничивать. Часто все оканчивалось тем, что бедняга лежал на полу гостиной, связанный по рукам и ногам, и орал от ярости, приказывал нам засунуть этот ебанный кляп прямо ему в пасть. Уж не знаю, представляет ли эта деталь хоть какой-то интерес для тех, кому не выпала честь увидеть все собственными глазами. Мы пытались засунуть кляп и не лишиться пальцев. Зато теперь мы можем объяснить мои склонности, проследить их истоки и увязать концы с концами, все славно и чистенько, правда же.

КИ № 11 06/96

ВЕНА, ВИРДЖИНИЯ

Ладно, я, так, да, но погоди секунду, да? Я хочу, чтобы ты попыталась меня понять. Да? Слушай. Я знаю, что я мрачный. Знаю, что иногда замыкаюсь в себе. Знаю, что тогда со мной сложно, да? Ладно? Но каждый раз, когда я мрачнею или замыкаюсь в себе, ты думаешь, будто я ухожу или готовлюсь тебя бросить, – вот это меня бесит. Вот это, что ты все время боишься. Это изматывает. От этого кажется, что мне надо как бы скрывать свое настроение, а то ты тут же решишь, что дело в тебе, и я готовлюсь тебя бросить и уйти. Ты мне не веришь. Не веришь. Я не говорю, будто, учитывая нашу историю, я заслуживаю особого доверия вот так с потолка. Но ты ведь совсем мне не веришь. Как бы у меня нет права на ошибку, что бы я ни делал. Да? Я же сказал – обещаю, что не уйду, и ты ответила, будто веришь, что теперь-то я с тобой надолго, но на самом деле не веришь. Да? Просто признай, ладно? Ты мне не веришь. Я все время как на минном поле. Понимаешь? Не могу же я постоянно тебя успокаивать.

Вопрос.

Нет, я не говорю, что *это* успокаивает. Сейчас я хочу, чтобы ты поняла – так, слушай, бывают приливы и отливы, да? Иногда люди увлечены больше, иногда меньше. Просто такова жизнь. Но нельзя все время быть на приливе. Тогда кажется, что никакого прилива нет. И знаю, что я в чем-то виноват, да? Знаю, что из-за прошлых случаев ты не чувствуешь себя в безопасности. И я уже ничего не могу с этим поделать, да? Но сейчас мы живем в настоящем. И сейчас мне кажется, что стоит мне не захотеть разговаривать с тобой, или чуток помрачнеть, или замкнуться, как ты сразу думаешь, будто я планирую тебя бросить. А это мне всю душу переворачивает. Понимаешь? Просто душу переворачивает. Может, если бы я любил тебя меньше или относился хуже, я бы пережил. Но я не могу. Так что да, вот зачем сумки. Я ухожу.

Вопрос.

И я – вот именно такой реакции я и боялся. Так и знал, что ты подумаешь, будто правильно все это время боялась и не чувствовала себя в безопасности, и не верила. Знал, что начнется: «Видишь, ты обещал, что не уйдешь, а сам уходишь». Так и знал, но все равно попытаюсь все объяснить, да? И знаю, это ты тоже вряд ли поймешь, но – подожди – просто послушай и, не знаю, попытайся вникнуть, хорошо? Готова? То, что я ухожу, *не* подтверждение твоих

страхов. *Нет.* Я уйду *из-за* них. Да? Можешь ты понять? Твой страх – вот чего я не выношу. Твое недоверие и страх – вот с чем мне приходится бороться. И я больше не могу. Выдохся. Если бы я любил тебя меньше, может, я бы пережил. Но на меня это давит, это постоянное чувство, что я тебя все время пугаю и ты никогда не чувствуешь себя в безопасности. Можешь ты понять?

Вопрос.

С твоей точки зрения, это иронично, я понимаю. Да. И понимаю, что теперь ты меня ненавидишь. И я долго готовился к твоей ненависти и этому выражению на лице, что все страхи и подозрения полностью подтвердились, – ты бы сама видела, да? Клянусь, если бы ты сейчас видела свое лицо, любой бы понял, почему я уйду.

Вопрос.

Прости. Я не хотел все это так вываливать. Прости. Дело не в тебе, да? В смысле, значит, это со мной что-то не так, раз ты не можешь мне доверять после стольких недель или жить с нормальными приливами и отливами, не думая постоянно, что я готовлюсь уйти. Не знаю, что, но, значит, что-то не так. Ладно, и я знаю, у нас с тобой и в прошлом все было не очень, но клянусь, я говорю абсолютно серьезно, и выкладывался я на сто и больше процентов. Богом клянусь, выкладывался. Прости, пожалуйста. Я бы все отдал, лишь бы не делать тебе больно. Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя. Надеюсь, ты мне веришь, но сам я уже тебя убеждать не могу. Только, прошу, поверь, что я выкладывался. И не думай, что это из-за тебя. Не мучай себя. Из-за нас, я уйду из-за нас, да? Можешь ты понять? Что это не то, чего ты так все время боялась? Да? Можешь ты понять? Можешь просто понять, что, *может*, была неправа, хотя бы *в теории*? Хотя бы в этом можешь уступить, как думаешь? Потому что мне-то сейчас тоже не очень весело, да? Так уходить, видеть такое твое лицо, которое навсегда останется у меня в памяти. Можешь ты понять, что я тоже сильно переживаю? Можешь? Что ты не одна такая?

КИ № 3 11/94

ТРЕНТОН, НЬЮ-ДЖЕРСИ (ПОДСЛУШАНО)

Р—: В общем схожу последний как обычно и там все дела.

А—: Ага просто седи и отдыхай себе на кресле до последнего почему всем постоянно надо вскочить как только приземлились и толкаться в проходах и ты тупо стоишь с сумками толкаешься потеешь пять минут только чтобы...

Р—: Ты погоди и наконец выхожу я с самолета и в такое знаешь место у гейта зона для встречающих и думаю как обычно возьму такси до...

А—: И вот кстати самое паршивое в наших командировках когда выходишь в зону для встречающих и видишь как всех встречают с визгами-объятиями и водилы лимузинов держат имена на табличках а твоего имени там нет и я...

Р—: Заткнись блин на секунду потому что слушай говорю потому что к моему приходу там уже было почти пусто.

А—: То есть говоришь люди к этому моменту в массе своей рассосались.

Р—: Кроме одной девушки у веревки стоит смотрит в этот проход и видит меня а я вижу ее потому что там уже никого нет кроме нее наши глаза встретились и все дела и что она делает она вдруг падает на колени рыдает ручьем и все дела бьет кулаками по ковру царапает вырывает клочки и нитки из этой дешевки у которой низкополимерный клей перестает держать прям в день покупки и в итоге через пять лет утраивает расходы на ТО ну уверен ты и так это отлично знаешь и вся свернулась бьет и рвет продукт ногтями, так согнулась что ну знаешь даже сиськи видно. Полная истерика и с ручьями и все такое.

А—: Очередное теплое приветствие Дейтона за наши гребаные командировки, рады вас приве...

Р—: Нет на самом деле оказывается на самом деле когда я ну знаешь подхожу спросить Вы в порядке что случилось и все такое и заодно попятиться и должен сказать там просто охренительные сиськи под таким знаешь обтягивающим топом как бы трикотажным топом под курткой пока она на коленях хлещет себя по щекам и все проводит проверку на прочность продукта аэропорта и говорит мол парень в которого она влюбилась и все дела сказал мол тоже ее любит да только был уже помолвлен еще до их встречи и любви с первого взгляда и в общем туда-сюда слово за слово хреном по столу пока я подставляю плечо ее горю но наконец значит наконец тот парень чухнулся и наконец говорит что покоряется любви к этой девчонке с сиськами и сделает предложение и говорит что поедет и скажет той девчонке в Талсе где он живет с которой помолвлен о девушке здесь и порвет с той из Талсы и наконец покорится и сделает предложение этой истеричке с сиськами ведь она его любит больше жизни и чувствует что у них родные «души» ну и все эти девчачьи сопли и чувствует что вот наконец господи после стольких гондонов с одним и тем же на уме наконец радость наконец ей кажется она встретила парня которому может доверять и любить и сливаться с ним «душами» и всякие сопли и ванилька и тог...

А—: И бла-бла-бла.

Р—: Бла и говорит тогда полетел этот парень в Талсу чтобы разорвать помолвку с первой девушкой как и обещал чтобы потом прилететь обратно в объятия этой девушки, которая с салфетками «Клинекс» и сиськами навкал стоит в Дейтоне у ворот с ручьями из глаз перед вашим покорным слугой.

А—: Ох какая *неожиданность*.

Р—: Завали блин и мол он кладет руку на сердце все такое и клянется что вернется к ней и будет на рейсе с таким-то номером и временем а она клянется что будет там с сиськами его встречать, и говорит всем друзьям рассказала мол наконец у нее по-настоящему и мол он порвет и вернется к ней и она вылизывает дом к его возвращению и фигачит себе прическу с таким спреем ну как они умеют и капают духами на свою ну ты знаешь зону и все дела обычная тема и надевает свои лучшие розовые джинсы а я кстати сказал что она в таких розовых джинсах и на каблучках что так и говорят трахни меня типа на миллионах языков мира...

А—: Хе-хе.

Р—: К этому моменту мы уже в маленькой типа кофейне прямо напротив ворот USAir ну такой отстойной без кресел где приходится со сраным кофе за два бакса стоять у столиков пока чемодан с образцами сумка и все говно лежат на бюджетной плитке которая даже без подогрева и уже начинает загибаться на стыках и я подаю ей «клинексы» и подставляю плечо и все дела как она пропылесосила тачку и даже заменила освежитель на зеркале заднего вида и пришкандыбала в аэропорт вовремя чтобы встретить рейс номер такой-то на котором этот так называемый достойный доверия парень мамой блин клялся прилететь.

А—: А парень гондон старой школы.

Р—: Заткнись и вот она говорит что он даже звонил был звонок да пока она размазывает последнюю каплю по своей зоне и заливает спреем прическу чтобы она так торчала и готовиться шкандыбать в аэропорт звонит телефон и это парень и в трубке шипение и помехи и она говорит он говорит мол он звонит с небес и как это романтично звонит ей с телефона знаешь который висит на спинке кресла перед тобой в котором еще надо свою карточку проводить и говорит...

А—: На этих штука тариф шесть баксов в минуту просто грабеж и плюс еще платить вдвое больше если звонишь в регион над которым летишь а потом перелетаешь в сосед...

Р—: Но я не об этом ты вообще будешь слушать я о том что эта девушка говорит как она приехала пораньше в зону для встречающих и уже готовит свои ручки уже от любви и ванильки и признания и наконец доверия и стоит мол радостная и доверчивая как жалкая дурочка мол и наконец прибывает рейс и мы всей толпой вываливаемся из этого такого самолетного коридора

и его нет в первой волне и его нет во второй волне и народ теперь идет такими маленькими волнами кучками как будто этот самолет типа как посрал знаешь...

А—: Боже как вспомнить сколько раз я сидел в гребаном самолетном туалете...

Р—: И говорит как жалкая как полная дурочка она все не теряет веры все смотрит пляж на народ из-за плетеной веревки-ограждения такой темно-бордовой веревки из восьми типов нитей и с прикольными псевдобархатными кисточками и все обжимаются и все встречаются или идут на выдачу багажа а она ждет что этот парень будет в следующей волне, кучке а потом в следующей и в следующей и все такое ждет.

А—: Несчастливая глупышка.

Р—: Мол в конце концов я схожу последним как обычно и никого после меня кроме экипажа они с этими своими маленькими аккуратными одинаковыми сумочками почему-то бесят меня эти аккуратные сумочки и в общем всё и я последний и она...

А—: То есть говоришь это не из-за тебя она кричала и била по полу просто ты был последний и ты не тот гондон. Урод наверное даже звонок подделал а помехи если включишь бритву «Ремингтон» получают помехи как...

Р—: И говорю тебе ты в жизни не видел никого чтоб слова «разбитое сердце» ты думаешь это просто слова бла-бла но посмотришь на эту девушку как она колотит себя по голове что была такой дурой так рыдает что почти дышать не может и все дела, обхватывает себя трясется бьет по столу с такой дурью что приходится чашку убрать чтоб не перевернулась и мол мужики козлы и все подруги говорили нельзя никому верить а она наконец встретила того кому думала можно реально доверять отдаться и покориться и жить и они правы она дурочка мужики просто козлы.

А—: В основном мужики козлы, тут ты прав, хе-хе.

Р—: И я короче стою там держу кофе и я даже уже поздно и я даже не хочу эту хрень без кофеина подставляю плечо и душа у меня должен сказать душа у меня так и болит за эту девчонку с разбитым сердцем. И я клянусь ты в жизни не видал разбитого сердца как у той девчонки с сиськами, и я ей говорю что она права и что парень козел и даже ее не заслуживает и что правда все мужики козлы и что у меня за нее душа болит и все такое.

А—: Хе-хе. Ну и что потом было?

Р—: Хе-хе.

А—: Хе-хе-хе.

Р—: И ты еще спрашиваешь?

А—: Ох ты и сволочуга. Ох гондон.

Р—: Ну ты понял в смысле а что еще-то.

А—: Ну ты и гондон.

Р—: Ну ты понял.

КИ № 30 03/97

ДРУРИ, ЮТА

Должен признать, это главная причина, почему я на ней женился, – мысль, что лучше не найти, потому что у нее осталось красивое тело даже после того, как она родила. Подтянутая и хорошая, и ноги хорошие – родила, но не распухла, не появились вены, не обвисла. Наверно, звучит мелочно, но как есть. Я всегда ужасно боялся жениться на красивой женщине, а потом она родит и распухнет, а мне все равно придется заниматься с ней сексом, потому что я подписался заниматься с ней сексом всю оставшуюся жизнь. Наверно, звучит мерзко, но в этом случае ее как будто для меня протестировали – она родила и не распухла, так что я понял, что это отличный выбор, чтобы подписаться, нарожать детей и спокойно заниматься сексом. Мелочно звучит? Скажите, что думаете. Или истинная правда о таких вот вещах всегда звучит мелочно – ну? знаете, истинные причины? Что думаете? Как оно звучит?

КИ № 31 03/97

РОЗУЭЛЛ, ДЖОРДЖИЯ

Но хочешь знать, как стать по-настоящему великим? Как Великий Любовник ублажает даму? Да, все эти ваши примитивные угодники всегда скажут, что и так знают, что они эксперты и прочее. Это не сигарета, девочка, держи дым в легких. Большинство из этих мужиков ни черта не рубит, как ублажить даму. Вообще. А многим из них и плевать, сказать по правде. Вот тебе первый тип мужика, такой беляш с пивом на диване, примитивная свинья. Такой мужик и свою-то жизнь не замечает, а когда дело доходит до занятия любовью – о, он чистейший эгоист. Он хочет все, что дают, и пока дают – больше его ничего не волнует. Это такой тип, который залезает на нее и начинает, а как кончает, слезает и давай храпеть. Ты полегче. О, пожалуй, это и есть старомодный стереотипный мужик, в годах, в браке двадцать лет и даже не знает, кончила его жена хоть раз или нет. Даже не подумает спросить. Кончает *он*, а это главное, что его волнует.

Вопрос.

Я говорю не о таких мужиках. Это, скорее, животные – залез, слез и точка. Держи вот тут, ближе к концу, и вдыхай не так много, как с обычной сигаретой. Лучше подержать в легких и дать разойтись. Это моя, я сам выращиваю, у меня целая комната в «Майларе» и с лампами, девочка, ты не поверишь, почему она тут идет. Эти мужики – всего лишь животные, они в той игре, о которой мы тут говорим, даже не участвуют. Нет, потому что мы тут говорим о втором основном типе мужика – мужике, мнящем себя Великим Любовником. И для таких реально важно считать себя Великими. У них это отнимает кучу времени – они мнят себя Великими и считают, что знают, как ублажить женщину. Вот это и есть твои чуткие угодники. Да, они выглядят полной противоположностью того белого быдла, которому вообще насрать. Хорошо, но ты полегче. Но да, не думай теперь, что такие мужики чем-то лучше, чем вот те примитивные свиньи. То, что они мнят себя Великими Любовниками, не значит, что им на нее не насрать так же, как белому быдлу, и в глубине души они в постели ровно такие же эгоисты. Просто мужик такого типа в постели заводится от мысли, что он Великий Любовник, от которого дамочка в постели сойдет с ума. Для них главное – удовольствие женщины и дарить ей это удовольствие. Эта вся тема такого типа.

Вопрос.

О, скажем, например, они час за часом трудятся языком над киской, учатся не кончать, держатся часами, знают все точки джи и позы экстаза и прочее. Бегают в «Барнс энд Ноубл» за всеми последними книжками по женской сексуальности, чтобы всегда быть в курсе, что там творится. Судя по твоему взгляду в никуда, догадываюсь, ты сталкивалась с таким угодником разок-другой – лосьон после бритья с феромонами, клубничное масло, массаж и касания, он все знает о мочке уха и какой румянец что значит, и об ареоле, и обратной стороне колени, и такой новой маленькой ультрачувствительной точке, которую, говорят, нашли прямо позади джи, – этот тип мужика знает все, и можешь не сомневаться, он даст тебе знать, что знает, как... так, дай сюда. Я тебе покажу. Вот, и да, девочка, можешь не сомневаться, такой тип мужика хочет знать, кончила она или нет, и сколько раз, и что никого лучше у нее не... и вот так. Видишь? Когда выдыхаешь, лучше даже не видеть дыма вообще. Это значит, он весь в тебе. Ты же вроде бы говорила, что уже курила. Это тебе не обычное подзаборное сено беляшей. Каждый раз, как женщина кончит, для этого мужика – как зарубка на ружье. Вот как он это понимает. Она слишком хороша, чтобы половину выдохать, это как купить «порш» и ездить на нем только в церковь. Нет, он ставит зарубки, этот мужик. Наверное, хороший способ их сравнить. Два типа. Эта твоя свинья делает зарубку каждый раз, как вставит, вот и все зарубки, им по фиг. Но так называемый мужик типа Великого Любовника ставит зарубку каждый раз, как кончает она. Но и тот и другой всего лишь ставят зарубки. В глубине души они на самом

деле одного типа. У них разные темы, но все же их интересует только своя, в постели, а дамочке в глубине души будет казаться, будто ее так или иначе использовали. Это если у дамы есть какое-никакое чутье, но это другая история. А теперь, девочка, когда остается мало, не берешь и не давишь каблуком, как с обычной сигаретой. Тут лучше смочить палец и нежно зажать на конце, и затушить, и сохранить, у меня есть, где сохранить. Лично у меня особый подход, но этот ваш вот почему их никто не выбрасывает. Сама подумай, встречала когда-нибудь такую коробочку от фотопленки в мусоре.

Вопрос.

Нет, но вот тебе классический симптом, как отличить этих твоих Великих Любовников: в постели они кучу времени трудятся языком у киски дамы, снова и снова, пока она не кончит семнадцать раз подряд, но потом – сама смотри, найдется ли на всем белом свете способ, чтобы *дама* уговорила его и взяла *его* драгоценную писью в рот. Ничего подобного, он сразу начнет: «О нет детка дай я все сам я хочу видеть как ты снова кончишь детка о детка ты просто лежи а уж я займусь любовной магией», – и прочее в том же духе. Или выучит эту свою особую корейскую хрень и сделает ей глубокий массаж, или притащит особое черемуховое масло для массажа ног и рук – и тут, девочка, должен признать, что, если тебе ни разу не делали качественный массаж рук, считай, ты вовсе не жила, поверь мне, – но даст ли он дамочке ответить самой и потерять ему спинку хоть раз? Никак нет, ни в коем разе. Потому что вся тема мужика такого типа в том, что это *он* тут дарит удовольствие, спасибо большое, мэм. Видишь, у меня совсем другая, крышка завинчивается и с герметичной подкладкой, чтобы карман не пропах, они еще те поганые вонючки, а потом прямиком в этот маленький кармашек, и смотри, он выглядит так, что – о, тут же может быть что угодно. Потому что здесь эти самые угодники и прокалываются. Вот почему я испытываю презрение к мужикам, которые мнят, будто они Божий дар для женщин. Потому что этот самый первый тип беляша хотя бы в чем-то честен – они хотят вставить, слезть, и точка. Тогда как этот примитивный угодник мнит себя таким чутким и знающим, как ублажить даму, только потому, что знает про клиторальное всасывание и ишиацу, и видеть их за делом в постели – как видеть какого-нибудь тупорылого механика в белой спецовке, раздутого от собственной важности, когда он работает над «поршем». Они мнят себя Великими Любовниками. Они думают, что благородны в постели. Нет, подстава в том, что они *эгоистичны* в своем благородстве. Они не лучше тех свиней, просто похитрее. Теперь тебе захочется пить, теперь тебе лучше глотнуть «Эвиан». От этой дури во рту сохнет только так. Я ношу с собой бутылочки «Эвиан» во внутреннем кармане, видишь? Сшито на заказ. Давай, бери, тебе лучше попить. Давай.

Вопрос.

Девочка, без проблем, оставь себе, тебе уже через полминуты захочется еще выпить. Я клянусь, ты говорила, что уже пробовала. Надеюсь, я тут не совращаю мормонку из Юты, а? «Майлар» лучше фольги, отражает больше света, тот весь уходит в растение. Сейчас есть особые семена, из которых растения вырастают не выше, чем досюда, но это смертельно, это смерть на блюдечке. В Атланте таких мужиков, кажется, особенно много. Чего они не понимают, так это, что их тип для дам с каким-никаким чутьем – еще хуже, чем обычные залезающие-слезающие свиньи. А тебе бы понравилось просто лежать, чтоб тебя обрабатывали, как «порш», а ты так и не почувствовала *себя* благородной, и сексуальной, и опытной в постели, и тоже Великой Любовницей? Хм-м? Хм-м? Вот тут мужики типа угодников и проигрывают. Они хотят быть единственным Великим Любовником в постели. Забывают, что у дамы тоже есть чувства. Кто захочет лежать и чувствовать себя неблагородной и жадной, пока какой-то яппи с «поршем» выделяется с Тантрическими Тучами и Дождем Полулотоса и про себя делает зарубки, сколько раз ты кончила? Если прополоскать во рту, то будет лучше, «Эвиан» тут реально отлично помогает, и плевать, что это вода для тупорылых яппи, если она годная, понимаешь, да? Главное, за чем надо следить, – если мужик, когда перейдет вниз, если он дер-

жит одну ладонь у тебя на животе, чтобы реально убедиться, кончаешь ли ты, – о, вот тогда ты сразу поймешь. Он хочет убедиться. Этот сукин сын не Любовник, он только выделяется. На тебя ему насрать. Хочешь мое мнение? Хочешь знать, как реально стать Великим, чтобы ублажить ее, хочешь знать то, что не просчитал даже один парень из тысячи?

Вопрос.

Хочешь?

Вопрос.

Секрет в том, чтобы давать дамочке наслаждение и уметь его принимать, с равной техникой и с равным удовольствием. Или хотя бы убедить *ее* в этом. Не забывать, что дело в *ней*. Давай, вылизывай ей киску, пока она умолять не начнет, конечно, давай, но допусти и ее до своей письки, и даже если она не подарок – о, так терпи и убеди ее в том, что она еще какой. И, типа, даже если она считает, что массаж спины – это какие-то смешные карате-удары по позвоночнику, о, так дай ей и веди себя так, будто впервые столкнулся с таким шикарным карате. Если мужик хочет быть истинным Великим Любовником, так пусть подумает о *ней* хоть одну хренову секунду.

Вопрос.

Я нет, девочка, нет. В смысле, обычно да, но, боюсь, я уже дунул. Реальный провал мужиков такого типа, подражателей Великому, в том, что они думают, будто женщина, если свести к сути, дура. Будто все, чего она хочет, – просто лежать и кончать. Реальный секрет: представь, что она думает так же, как ты. Что она хочет видеть себя Великой Любовницей, которая в постели может взорвать мозг любому мужчине. Дай ей. Хоть раз в жизни задвинь самомнение на задний план. Угодники думают, что если взорвут мозг дамочке, то они и победили. *Хер* там.

Вопрос.

Но тебе одной будет мало, девочка, поверь. Тут в паре кварталов есть рыночек, и если мы... эй, осторожней...

Вопрос.

Нет, сделай так, чтобы она решила, будто взорвала *тебе* мозг. Вот чего они реально хотят. Вот тогда ты реально и истинно победил – если она думает, что тебе ее не забыть. Никогда в жизни. Сечешь?

КИ № 36 05/97

ФИЛИАЛ СТОЛИЧНОГО КОНСУЛЬТАЦИОННОГО ЦЕНТРА
ПО РАБОТЕ С НАСЕЛЕНИЕМ В СЛУЧАЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ
АВРОРА, ИЛЛИНОЙС

И я решил обратиться за помощью. Я осознал, что настоящая проблема вовсе не в *ней*. Я понял, что она вечно будет изображать жертву моего злодейства. Я был не в силах ее изменить. Она не та часть проблемы, на которую я, ну знаете, могу повлиять. И я принял решение. Я решил попросить помощи для *себя*. Теперь я знаю – это мой лучший поступок в жизни, пусть и самый трудный. Это было непросто, но теперь моя самооценка выросла. Я остановил спираль стыда. Я научился прощать. Я *направляюсь* себе.

Вопрос.

Кто?

Очередной пример проницаемости некоторых границ (XI)

Как и во всех остальных таких снах, я с кем-то, кого знаю, но не знаю откуда, и вдруг он говорит мне, что я слепой. То есть буквально слепой, незрячий. Или в присутствии этого человека я вдруг осознаю, что я слепой. Дальше, когда я это осознаю, мне становится грустно. Мне невероятно грустно из-за того, что я слепой. Этот человек откуда-то знает, как мне грустно, и предупреждает, что слезы могут повредить глаза, и слепота будет только хуже, но я ничего не могу поделать. Я сажусь и плачу изо всех сил. Я просыпаюсь в слезах и плачу так сильно, что реально ничего не вижу. Из-за этого я плачу еще сильнее. Моя девушка волнуется и просыпается, и спрашивает, что случилось, и успевает пройти минута, если не больше, пока я не приду в себя и не пойму, что спал и теперь проснулся, и на самом деле я не слепой, и плачу без причины, и я рассказываю девушке про сон, и слушаю ее мнение. Потом весь день на работе я постоянно помню о зрении, глазах и как это хорошо – видеть цвета и лица людей и точно знать, где я, и как это хрупко – человеческий механизм глаза и способность видеть, – как легко это потерять, и как я постоянно вижу слепых с тросточками и странными лицами, и всегда думаю, что на них интересно взглянуть на пару секунд, но никогда не думаю, что это имеет отношение ко мне или моим глазам, и что на самом деле это просто удачное совпадение, что я зрячий, а не один из слепых, которые встречаются в метро. И весь день на работе, когда я об этом думаю, у меня глаза на мокром месте, я готов расплакаться, и от слез удерживают только низкие офисные перегородки и то, что все меня видят и будут волноваться, и весь день после сна идет наперекосяк, и это чертовски утомляет, как бы сказала моя девушка – эмоционально изматывает, и я ухожу пораньше, и иду домой, и я такой усталый и сонный, что глаза слипаются, и, добравшись до дома, я бухаюсь в постель где-то около 16:00 и более-менее отключаюсь.

Личность в депрессии

Личность в депрессии переживала жуткую и нескончаемую эмоциональную боль, и сама невозможность поделиться этим чувством или выразить его была компонентом боли и усиливала фундаментальный ужас перед нею.

Так, отчаявшись описать эмоциональную боль или выразить ее чрезвычайность людям вокруг, личность в депрессии описывала обстоятельства, и прошлые, и настоящие, связанные с болью, с ее этиологией и причинами, в надежде передать хотя бы что-то из контекста боли, ее – так сказать – форму и текстуру. К примеру, родители личности в депрессии, которые развелись, когда она была еще маленькой, использовали ее как пешку в своих отвратительных играх. В детстве ей были нужны услуги ортодонта, и каждый из родителей заявил – не без оснований, учитывая поистине медичивские двусмысленности формулировок договора о разводе, о чем личность в депрессии всегда упоминала, рассказывая о мучительной борьбе родителей за оплату ортодонтии, – что платить должен другой. И ядовитый гнев каждого родителя из-за мелочного, эгоистичного отказа другого платить изливался на дочь, которая вновь и вновь слышала от них, что другой не любит никого, кроме себя. Оба родителя были весьма состоятельными, и каждый втайне признавался личности в депрессии, что он/а, разумеется, если до этого дойдет, готов/а сполна оплатить нужную личности в депрессии ортодонтию и еще добавить сверху, что это, по сути, вопрос не денег или здоровья зубов, но «принципа». И личность в депрессии всегда старалась, уже во взрослом возрасте описывая близкой подруге обстоятельства борьбы из-за стоимости ортодонтии и последствия этой борьбы в виде эмоциональной боли, признавать, что, вполне возможно, в глазах каждого из родителей все выглядело именно так (т. е. вопросом «принципа»), но, к сожалению, не того «принципа», который учитывал бы нужды дочери или ее чувства, возникающие из-за эмоционального посыла, согласно которому для родителей сведение мелочных счетов друг с другом было куда важнее ее челюстно-лицевого здоровья, – а если смотреть с определенной точки зрения, это было неким видом родительского невнимания, пренебрежения или даже прямого жестокого обращения, очевидно связанного – здесь личность в депрессии почти всегда добавляла, что ее психотерапевт согласна с такой оценкой, – с бездонным, хроническим взрослым отчаянием, от которого она страдала каждый день и из которого не надеялась выбраться. И это только один пример. Всякий раз, когда личность в депрессии во время телефонных разговоров с участливыми подругами вспоминала об этом болезненном и травмирующем обстоятельстве из прошлого, в среднем она употребляла четыре вставных извинения, как и своего рода преамбулу, в которой пыталась описать, как больно и страшно чувствовать себя неспособной артикулировать саму мучительную боль хронической депрессии, как больно и страшно вместо этого перечислять примеры, ведь те, вероятно, казались другим, как она всегда спешила признать, муторными, или полными жалости к себе, или же они напоминали о людях, которые нарциссически одержимы своими «несчастливым детством» и «несчастливыми жизнями», купаются в боли и настаивают на утомительно долгим пересказе жизненных обстоятельств друзьям, желающим проявить поддержку и участие, и тем наскучивают и отталкивают их.

Подруг, с которыми личность в депрессии связывалась в поисках поддержки и которым старалась открыться, чтобы поделиться хотя бы контекстуальной формой непрерывных психических терзаний и чувства изоляции, было около пяти, и они подвергались регулярной ротации. Психотерапевт личности в депрессии – с высшей ученой степенью как по психологии, так и по медицине, самонареченный адепт той школы психотерапии, где принято считать, что для любого взрослого с эндогенной депрессией на пути к выздоровлению важна культивация и регулярное использование поддерживающего сообщества, – называла подруг личности в депрессии Системой Поддержки. Приблизительно пять сменяющихся участниц Системы

Поддержки, как правило, либо с детства знали личность в депрессии, либо она делила с ними комнату в общежитиях на разных этапах обучения, и все они были участливыми и психически относительно здоровыми женщинами, которые теперь жили в самых разных далеких городах, и личность в депрессии вживую не видела их уже многие годы, но часто звонила им поздно вечером, по межгороду, в поисках заботы, поддержки и всего лишь пары верно подобранных слов, которые могли бы помочь ей реалистично взглянуть на отчаяние, сфокусироваться и собраться с силами, прорваться сквозь эмоциональные терзания следующего дня, и личность в депрессии всегда начинала разговор с участницами Системы Поддержки с извинений, что портит им настроение или кажется скучной, полной жалости к себе или отталкивающей, или отвлекает от активных, ярких, в основном безболезненных дальнегородских жизней.

Также личность в депрессии взяла за правило во время связи с участницами Системы Поддержки никогда не приводить в качестве *причины* непрерывной депрессии во взрослом возрасте такие обстоятельства, как бесконечная битва ее родителей за ортодонтию. Искать виноватого слишком легко, говорила она; это достойно жалости и презрения; и, кроме того, она была по горло сыта поисками виноватого, наслушавшись за эти годы долбанных родителей, их постоянных взаимных обвинений и препирательств, которыми те обменивались из-за нее, через нее, используя ее (т. е. личности в депрессии, когда та была ребенком) чувства и нужды как боеприпасы, как будто ее собственные чувства и нужды были не более чем полем боя или театром конфликта, оружием, которое родители применяли друг против друга. Они вложили куда больше интереса, страсти и эмоциональных способностей в ненависть друг к другу, и никто из них ничего подобного не продемонстрировал по отношению к самой личности в депрессии, в чем она время от времени признавалась до сих пор.

Психотерапевт личности в депрессии, школа которой отвергала перенос отношений как терапевтический ресурс, и потому доктор намеренно воздерживалась от конфронтаций, утверждений со словом «должен» и всех нормативных, оценочных, основанных на «авторитете» теорий в пользу более нейтрально-ценностной биоэкспериментальной модели и творческого применения аналогий и нарратива (включая, хотя и не требуя в обязательном порядке, использование кукол-перчаток, пенопластового реквизита и игрушек, ролевые игры, человеческие скульптуры, методику отражения, психодраму и в уместных случаях тщательно прописанные и раскадрованные Реконструкции детства), испробовала следующие препараты в попытке помочь личности в депрессии облегчить острый аффективный дискомфорт и добиться прогресса в ее (т. е. личности в депрессии) пути хоть к какому-то подобию наслаждения нормальной взрослой жизнью: «Паксил», «Золофт», «Прозак», «Тофранил», «Велибутрин», «Элавил», «Метразол» в комбинации с односторонней электросудорожной терапией (добровольный двухнедельный стационарный курс в региональной клинике по лечению расстройств настроения), «Парнат» с литиевыми солями и без, «Нардил» с «Ксанаксом» и без. Ничто не принесло значительного облегчения от боли и чувства эмоциональной изоляции, превращавших каждый час личности в депрессии в неопикуемый ад на земле, а у многих лекарств вдобавок был побочный эффект, который она нашла невыносимым. В настоящий момент личность в депрессии принимала только маленькие дневные дозы «Прозака» для снятия симптомов, присущих синдрому дефицита внимания, и «Ативана» – мягкого транквилизатора без привыкания – от панических атак, из-за которых часы в токсично дисфункциональной и лишенной поддержки рабочей обстановке становились настоящим адом. Психотерапевт мягко, но настойчиво делилась ее (т. е. психотерапевта) уверенностью, что лучшим лекарством для ее (т. е. личности в депрессии) эндогенной депрессии будет культивация и регулярное использование Системы Поддержки, с которой личность в депрессии могла связаться, поделиться и на которую могла опереться в поисках безусловной заботы и поддержки. Точный состав Системы Поддержки и один-два особых, «центральных», самых доверенных ее членов со временем подвергались определенным переменам и ротации, которые психотерапевт называла абсолютно нормаль-

ными и хорошими, ведь только рискуя и обнажая уязвимости, что необходимо для углубления поддерживающих отношений, можно узнать, какая дружба будет отвечать нуждам личности в депрессии и до какой степени.

Личность в депрессии чувствовала, что доверяет психотерапевту, и точно так же прикладывала усилия, чтобы стать с ней совершенно открытой и честной, насколько возможно. Она призналась психотерапевту, что, кому бы ни звонила вечером по межгороду, всегда старалась не забывать поделиться убеждением, что обвинять в постоянной неопикуемой взрослой боли травмирующий развод ее (т. е. личности в депрессии) родителей или их циничное использование ее в своих целях с лицемерным притворством, что каждый заботится о ней больше другого, – плаксиво и жалко. В конце концов, родители, – как помогла ей увидеть психотерапевт, – делали что могли, учитывая их эмоциональные ресурсы на тот момент. И в конце концов, как всегда добавляла личность в депрессии, слабо усмехаясь, она получила нужное лечение у ортодонта. Бывшие знакомые и соседи по комнате, составлявшие Систему Поддержки, часто желали личности в депрессии, чтобы она не была к себе так строга, на что та часто невольно начинала рыдать и отвечала, что она из того неприятного типа жутких знакомых – и прекрасно это понимает, – которые звонят в неудобное время и нудят, и нудят о себе, и, чтобы повесить трубку, приходится предпринимать не одну неловкую попытку. Личность в депрессии говорила, что до ужаса четко осознает, какое безрадостное бремя представляет для подруг, и в междугородних звонках взяла за правило выражать огромную благодарность за то, что у нее есть подруга, которой можно позвонить, поделиться и почувствовать участие и поддержку, хоть и ненадолго, пока требования полной, радостной, активной жизни не получают понятное преимущество и не вынудят ее (т. е. подругу) повесить трубку.

Нестерпимые ощущения стыда и неполноценности, которые личность в депрессии переживала, когда поздно вечером звонила по межгороду участницам Системы Поддержки и обременяла их неуклюжими попытками артикулировать хотя бы общий контекст эмоциональных терзаний, были той проблемой, над которой вместе усиленно работали и она, и психотерапевт. Личность в депрессии призналась, что, когда соперничающая по другу, с которой она делилась своими чувствами, наконец, говорила, что ей (т. е. подруге) ужасно жаль, но ничего не поделаешь, надо *обязательно* повесить трубку, и наконец отцепляла нуждающиеся пальцы личности в депрессии от своей юбки, клала трубку и возвращалась к яркой, насыщенной дальнегородней жизни, личность в депрессии почти всегда оставалась сидеть, слушая пчелиный гул гудка и чувствуя себя еще более изолированной, неполноценной и презренной, чем до звонка. Психотерапевт поощряла ее соприкоснуться с этим чувством токсичного стыда при попытке связаться с другими в поисках общения и поддержки, чтобы изучить его и детально проработать. Личность в депрессии призналась психотерапевту, что когда бы она (т. е. личность в депрессии) ни звонила по межгороду участнице Системы Поддержки, то во время разговора почти всегда представляла на лице подруги выражение одновременно скуки, жалости, отвращения и абстрактной вины и почти всегда думала, что она (т. е. личность в депрессии) может различить по все более длинным паузам и/или утомительным повторениям поощрительных клише скуку и раздражение, которые всегда чувствуешь, когда кто-то тебя обременяет. Она призналась, что отлично представляет, как теперь, когда поздно вечером звонит телефон, подруги вздрагивают, или во время разговора нетерпеливо поглядывают на часы, или беззвучно показывают беспомощность жестами или выражениями людям в комнате с ними (т. е. другим людям в комнате с «подругами»), и эти беззвучные жесты и выражения становятся отчетливее и отчаяннее по мере того, как личность в депрессии все не умолкает и говорит, говорит. У психотерапевта была примечательная подсознательная привычка или тик: она складывала кончики всех пальцев на коленях, внимательно слушая личность в депрессии, и вертела пальцами так, что сцепленные руки образовывали различные замкнутые фигуры – т. е. куб, сферу, пирамиду, правильный цилиндр, – а потом их изучала или рассматривала. Лично-

сти в депрессии эта привычка не нравилась, хотя она сама первой была готова признать: все дело в том, что эта особенность привлекала внимание к пальцам и ногтям психотерапевта, и личность в депрессии невольно сравнивала их со своими.

Личность в депрессии поделилась и с психотерапевтом, и с Системой Поддержки еще одним крайне отчетливым воспоминанием: однажды в третьем по счету интернате она видела, как ее соседка по комнате говорила по телефону с каким-то неизвестным парнем, показывая жестами и выражениями, какое отвращение и скуку вызывает у нее (т. е. у соседки) звонок, и эта уверенная в себе, популярная и привлекательная соседка в конце концов изобразила преувеличенную пантомиму, как кто-то стучит в дверь, сопровождая ее отчаянным выражением лица, пока личность в депрессии не поняла, что должна открыть дверь, выйти наружу и громко постучать, тем самым давая соседке предлог повесить трубку. В школьном возрасте личность в депрессии никогда не говорила об инциденте с телефонным звонком и лживой пантомимой этой соседки – с которой личность в депрессии никогда не связывалась и не созванивалась, вспоминала ее с какой-то ненавистью и стыдом, за что сама себя презирала, даже не пыталась остаться с ней на связи после завершения бесконечного второго семестра второго курса, – но она (т. е. личность в депрессии) все же поделилась этим терзающим воспоминанием со многими подругами в Системе Поддержки, а еще чувством о том, как невыносимо ужасно и жалко она бы себя почувствовала, если бы оказалась на месте безымянного, неизвестного парня на другом конце провода, парня, который честно пошел на эмоциональный риск позвонить и пообщаться с уверенной в себе соседкой, не подозревая, что он – нежеланное бремя, унижительным образом не подозревая о беззвучной пантомиме скуки и презрения на другом конце провода, и как личность в депрессии чуть ли не больше всего на свете боялась оказаться в позиции человека, из-за которого приходится беззвучно просить кого-то в комнате разыграть предлог повесить трубку. Потому личность в депрессии всегда заклинала любую подругу, с которой беседовала по телефону, как только ей (т. е. подруге) станет скучно, или она почувствует раздражение, или как только ее позовут другие, более срочные или интересные дела, ради Господа Бога быть открытой и откровенной и ни в коем случае не тратить на разговор с личностью в депрессии ни единой *секунды* больше, чем ей (т. е. подруге) искренне хотелось бы потратить. Личность в депрессии, конечно, прекрасно понимала, как она заверяла психотерапевта, какой жалкой может показаться такая нужда в заверениях, что ее слова вполне можно понять не как прямое разрешение повесить трубку, но, скорее, как нуждающуюся, полную жалости к себе, достойную презрения манипулятивную мольбу *не* вешать трубку, не вешать трубку *ни в коем случае*. Когда бы личность в депрессии ни делилась своей тревогой от того, чем может «показаться» или «предстать» какое-либо заявление или действие, психотерапевт⁶ усердно поддерживала ее в исследованиях ощущений того, какой она «кажется» или «выглядит» для других.

Унижительно; женщина в депрессии чувствовала себя унижительно. Она сказала, что во время разговоров по межгороду с подругами детства поздно вечером, когда у тех, очевидно, были свои дела, жизни и насыщенные, здоровые, участливые, интимные, заботливые отношения с партнером, она чувствовала себя унижительно; постоянно извиняться за то, что кому-то досаждаешь, или несдержанно благодарить кого-то только за то, что он твой друг, – унижительно и достойно жалости. Родители личности в депрессии наконец поделили оплату ее ортодонтии; их юристы наняли третейского судью, чтобы найти компромисс. Также третейский суд понадобился, чтобы выработать расписание общей оплаты интернатов и летних лагерей Здо-

⁶ Личности в депрессии сцепленные пальцы психотерапевта почти всегда напоминали разные виды многообразных геометрических клеток; личность в депрессии не делилась с психотерапевтом этой ассоциацией, потому что ее символическое значение было слишком очевидным и простым, чтобы тратить на него время сеансов. Ногти психотерапевта были длинными, изящными и ухоженными, тогда как ногти личности в депрессии из-за навязчивой привычки были так коротко обкусаны и обгрызены, что гипонихий иногда выдавался и спонтанно кровоточил.

рового образа жизни, уроков гобоя, машины и страховки на случай аварий, а также косметической операции, необходимой, чтобы исправить порок развития позвоночника и передние крылья носового хряща у личности в депрессии, из-за которых нос у нее был каким-то мучительно выдающимся пяточком, именно поэтому, а также из-за внешних ортодонтических фиксаторов, которые приходилось носить двадцать два часа в сутки, каждый взгляд в зеркала, висевшие в комнатах интернатов, был бы невыносим любому человеку на ее месте. И все же в год, когда отец личности в депрессии снова женился, он – либо проявив редкую незамутненную заботу, либо решив нанести *coup de grâse*, чтобы, по словам матери, довершить ее (т. е. матери) чувства унижения и ненужности, – целиком оплатил уроки катания на лошади, брюки-джодпуры и умопомрачительно дорогие сапоги, нужные личности в депрессии, чтобы получить допуск в Клуб жокеев ее предпоследнего интерната, ведь несколько его участниц были единственными девушками в этом конкретном интернате, которые, как чувствовала личность в депрессии, в слезах рассказав об этом отцу по телефону одним поистине ужасным вечером, хотя бы как-то принимали ее в свой круг и у которых было хотя бы минимальное сопереживание или сострадание, и с ними личность в депрессии не чувствовала себя такой уродиной с пяточком и бреткетами, неполноценной и отверженной, что даже выйти из комнаты и поужинать в столовой было для нее ежедневным великим личным подвигом.

Третьейский судья, к услугам которого согласились обратиться юристы родителей для помощи в выработке компромиссов при оплате детских нужд личности в депрессии, был высокоуважаемым специалистом по решению конфликтов, его звали Уолтер Д. («Уолт») Деласандро-мл. В детстве личность в депрессии никогда не встречала и даже не видела Уолтера Д. («Уолта») Деласандро-мл., хотя тогда ей в бесчисленных случаях показывали его визитку – где в скобках и поощрялось неформальное обращение, – и упоминали его имя вкуче с тем фактом, что он требовал за свои услуги поразительные 130 долларов в час плюс расходы. Несмотря на общее нежелание, которое испытывала личность в депрессии, – ведь она отлично знала, как это напоминает очередные поиски виноватого, – психотерапевт поддержала ее в решении пойти на риск и поделиться с участницами Системы Поддержки важным эмоциональным прорывом, которого она (т. е. личность в депрессии) достигла во время Уикенда экспериментального терапевтического лечения с фокусом-на-Внутреннем-ребенке, хотя она рискнула записаться туда и без всяких предубеждений открыть разум новому опыту лишь благодаря поддержке психотерапевта. В Палате драматерапии Малыми группами ЭТЛФ-В-Р другие члены ее Малой группы играли роли родителей личности в депрессии, близких, юристов и прочих эмоционально токсичных персонажей из ее детства и в кульминационной фазе драматерапии медленно окружали личность в депрессии, надвигаясь вместе так, что она не могла ни сбежать, ни избежать, ни преуменьшить угрозу, при этом драматически озвучивая (т. е. малая группа озвучивала) заранее прописанные тексты, призванные пробудить заблокированную травму, из-за чего почти сразу на личность в депрессии нахлынули терзающие эмоциональные воспоминания и давно погребенная травма, что повлекло за собой появление Внутреннего Ребенка личности в депрессии и катарсическую истерику, во время которой она колотила пенопластовой битой велюровые подушки, визжала непристойности и заново переживала давно подавляемые и гноящиеся эмоциональные раны, и одна из них⁷ – глубокая рудиментарная ярость из-за того, что Уолтер Д. («Уолт») Деласандро-мл. получал от ее родителей 130 долларов в час плюс расходы за то, что встал между ними и играл роль посредника и буфера для дерьма с обеих сторон, пока ей (т. е. личности в депрессии-ребенку) приходилось исполнять, по сути, те же копрофагские услуги на более-менее ежедневной основе совершенно *бесплатно, за так*, услуги, требовать исполнения которых от чувствительного ребенка не только нечестно и неправильно, но из-за которых в итоге родители, перевернув все вверх ногами, заставили личность в депрессии чув-

⁷ (т. е. одна из гноящихся ран)

ствовать *себя виноватой* в невероятной стоимости услуг специалиста по решению конфликтов Уолтера Д. Деласандро-мл., в *детстве*, как будто постоянные стычки и оплата Уолтера Д. Деласандро-мл. начались только по *ее* избалованной пяточковой кривоzubой вине, а не просто из-за в высшей степени извращенной, блядь, неспособности ебанных родителей общаться, честно делиться и решать свои извращенные, дисфункциональные проблемы. Это упражнение и катарсическая ярость позволили личности в депрессии соприкоснуться с некоторыми действительно важными проблемами обиды, по словам руководителя Малой группы Уикенда экспериментального терапевтического лечения с фокусом-на-Внутреннем-Ребенке, и могли означать для личности в депрессии настоящую переломную точку на пути к исцелению, если бы только ярость и избиение велюровых подушек настолько эмоционально не измотали, не опустошили, не травмировали и не смутили личность в депрессии, что она почувствовала, будто у нее не осталось выбора, кроме как улететь той же ночью обратно домой и пропустить остаток Уикенда ЭТЛФ-В-Р и Обработку Малой группой ее эксгумированных чувств и проблем.

Конечный компромисс, к которому пришли личность в депрессии и психотерапевт, проработав непогребенные обиды и последующие вину и стыд за то, что опять же могло легко показаться очередными поисками виноватого и жалостью к себе в ходе Терапевтического Уикенда, заключался в том, что личность в депрессии пойдет на эмоциональный риск связаться и поделиться сомнениями и переживаниями по поводу этого опыта с Системой Поддержки, но только с двумя-тремя элитными, «центральными» участницами, которые в текущий момент, как казалось личности в депрессии, были настроены к ней наиболее сострадательно и поддерживали без осуждения. Самым важным условием компромисса было то, что личности в депрессии можно открыть свои колебания из-за решения поделиться обидами и осознаниями, а также сообщить, что она понимает, какими жалкими и обвиняющими они (т. е. обиды и осознания) могут показаться ее подругам, и сообщить, что она делится этим потенциально жалким «прорывом» только по твердому и недвусмысленному настоянию психотерапевта. Одобрив это условие, психотерапевт возражала лишь против предложенного личностью в депрессии использования слова «жалкий» в попытке поделиться с Системой Поддержки. Психотерапевт сказала, что тут скорее подходит слово «уязвимый», чем «жалкий», так как ее нутро (т. е. нутро психотерапевта) подсказывало, что предложенное личностью в депрессии слово «жалкий» кажется не только полным ненависти к себе и даже в чем-то манипулятивным, но также выражает нужду в одобрении. Слово «жалкий», как откровенно поделилась с пациенткой психотерапевт, часто казалось ей своего рода механизмом защиты, с помощью которого личность в депрессии оборонялась от возможных негативных суждений слушателя, ясно обозначая, что она сама осуждает себя куда строже, чем хватит духу у любого человека. Психотерапевт аккуратно отметила, что не осуждает, не критикует и не отвергает использование личностью в депрессии слова «жалкий», но только хочет открыто и честно поделиться чувствами, вызванными этим словом в контексте их отношений. Психотерапевт, которой тогда оставалось жить меньше года, в этот момент взяла короткий тайм-аут, чтобы еще раз поделиться с личностью в депрессии ее (т. е. психотерапевта) убеждением, что ненависть и жалость к себе, токсичная вина, нарциссизм, нуждаемость, манипуляции и многие другие основанные на стыде манеры поведения, которые обычно встречаются у взрослых с эндогенной депрессией, лучше всего понимать как психологические механизмы защиты, воздвигнутые Внутренним Ребенком с рудиментарной раной против возможности травмы и покинутости. Такие манеры поведения, другими словами, – примитивная эмоциональная профилактика, чье настоящее назначение – исключить близость; это своеобразная психическая броня, призванная держать других на расстоянии, чтобы они (т. е. другие) не могли подойти к личности в депрессии близко в эмоциональном плане и нанести раны, что послужат отголоском глубоких рудиментарных ран, полученных личностью в депрессии еще ребенком, – ран, которые личность в депрессии подсознательно настроена подавлять любой ценой. Психотерапевт – которая в холодное время года, когда из-за большого

количества окон в ее кабинете становилось прохладно, надевала мантилью из вручную выдубленной коренными американцами шкуры оленя, и та становилась жутковатым и влажным на вид фоном телесного цвета для замкнутых фигур, которые, пока психотерапевт говорила, образовывали ее соединенные руки на коленях, – завершила личность в депрессии, что не пытается читать лекцию или навязывать ей (т. е. личности в депрессии) свою модель этиологии депрессии. Скорее, ей просто на интуитивном уровне показалось приемлемым в этот конкретный момент поделиться своими чувствами. Разумеется, сказала психотерапевт о своем видении их терапевтических отношений, острое хроническое расстройство настроения личности в депрессии можно и само по себе рассматривать как эмоциональный защитный механизм: т. е., пока острый аффективный дискомфорт личности в депрессии занимает ее и отвлекает все эмоциональное внимание, можно избежать соприкосновения с глубокими рудиментарными ранами детства, которые она (т. е. личность в депрессии) все еще была детерминирована подавлять⁸.

Несколько месяцев спустя, когда психотерапевт внезапно и неожиданно скончалась – из-за того, что полиция назвала «случайным» токсичным сочетанием кофеина и гомеопатического средства для подавления аппетита, которое, учитывая медицинское прошлое психотерапевта и ее знание химических соединений, только человек в очень глубокой стадии отрицания не принял бы за намеренное, – не оставив никакой записки, кассеты или поощряющих последних слов кому-либо из знакомых и/или клиентов, которые, несмотря на изнуряющие страхи, изоляцию, механизмы защиты и рудиментарные раны от травм прошлого, приходили к психотерапевту сблизиться и впустить в свой эмоциональный мир, хотя и становились при этом уязвимыми к возможным травмам из-за утраты и покинутости, личность в депрессии получила еще одну травму из-за новой утраты и покинутости, и та показалась ей настолько сокрушительной, а последовавшие за ней терзания, отчаяние и безнадежность – такими невыносимыми, что теперь она, как ни иронично, была вынуждена отчаянно и неоднократно связываться с Системой Поддержки на еженощной основе, иногда обзванивая трех или даже четырех подруг за вечер, иногда названивая одним и тем же подругам по два раза за ночь, иногда в очень поздний час, не раз даже, как была до тошноты уверена личность в депрессии, разбудив их или оторвав от здоровой, радостной сексуальной близости с партнером. Другими словами, инстинкт самосохранения в турбулентности пробудившихся чувств шока, скорби, утраты, покинутости и горечи из-за предательства после внезапной смерти психотерапевта побудили личность в депрессии забыть о врожденных чувствах стыда, неполноценности и смущения из-за того, что она может показаться кому-то жалким бременем, и всем весом опереться на сострадание и эмоциональное участие Системы Поддержки, несмотря на то что это, как ни иронично, была

---

⁸ Психотерапевт личности в депрессии всегда была предельно аккуратна, чтобы не показалось, будто она осуждает или винит личность в депрессии за то, что та цепляется за свою защиту, или предполагает, что личность в депрессии так или иначе сознательно *выбрала* хроническую депрессию или *выбрала* цепляться за депрессию, терзания из-за которой вы нуждались ее (т. е. личность в депрессии) чувствовать себя так, будто ей досталось больше, чем способен вынести человек. Это отречение от осуждения или навязывания собственных ценностей было в духе терапевтической школы, в рамках которой уже почти пятнадцать лет клинической практики психотерапевт развивала свою философию исцеления, важную для комбинации безусловной поддержки и полной честности в выражении чувств; именно из них рождался участливый профессионализм, столь необходимый для продуктивного терапевтического пути к аутентичности и внутриличностной целостности. Защиты против близости, как гласила теория психотерапевта, почти всегда были задержавшимися в развитии или рудиментарными механизмами самосохранения; т. е. однажды они были допустимы и необходимы и, вполне вероятно, оберегали беззащитную детскую психику от потенциально невыносимых травм, но почти во всех случаях они (т. е. защитные механизмы) недопустимо закалились или задержались в развитии и во взрослом возрасте уже не отвечали требованиям окружения и даже, как ни парадоксально, причиняли куда больше травм и боли, чем предотвращали. Тем не менее психотерапевт с самого начала обозначила, что не собиралась давить, понукать, умягчать, спорить, агитировать, дезориентировать, хитрить, разглагольствовать, стыдить или манипулировать, чтобы личность в депрессии избавилась от своей задержавшейся в развитии или рудиментарной защиты, пока сама не почувствует, что готова пойти на риск и довериться собственным внутренним ресурсам, чувству собственного достоинства, персональному росту и терапии, чтобы сделать это (т. е. покинуть гнездо своих защитных механизмов и свободно, радостно воспарить).

одна из двух областей, в которых личность в депрессии яростнее всего сопротивлялась советам психотерапевта.

Если даже не считать сокрушительных проблем покинутости, неожиданная смерть психотерапевта не могла случиться в более неподходящий момент с точки зрения пути к выздоровлению личности в депрессии, ведь она (т. е. подозрительная смерть) произошла именно тогда, когда личность в депрессии уже начала разбираться и прорабатывать некоторые центральные проблемы, что были связаны со стыдом и обидой, возникшими из-за самого терапевтического процесса, и тем отпечатком, который близкие отношения типа «психотерапевт-пациент» накладывали на ее (т. е. личности в депрессии) изоляцию и невыносимую боль. В рамках процесса скорби личность в депрессии поделилась с поддерживающими ее участницами из Системы Поддержки тем, что она переживала значительную травму, боль и чувство изоляции, как она сейчас поняла, даже в самих отношениях с психотерапевтом – над этим осознанием, по ее словам, они с психотерапевтом как раз вместе работали и изучали его. Вот один из примеров, которым поделилась личность в депрессии во время междугороднего звонка: она столкнулась и боролась во время терапии с чувством, как бы иронично и унижительно это ни прозвучало, – если вспомнить о дисфункциональной озабоченности ее родителей деньгами и чего ей в детстве стоила эта озабоченность, – того, что сейчас, во взрослом возрасте, ей приходится платить психотерапевту 90 долларов в час, чтобы та ее внимательно слушала, честно и сочувственно отвечала; т. е. личность в депрессии оказалась вынуждена *покупать* терпение и сочувствие, создалась она психотерапевту, и это было унижительно и достойно жалости, а также вызывало отголосок той самой детской боли, которую она (т. е. личность в депрессии) так хотела забыть. Психотерапевт – внимательно и без осуждения выслушав то, что, как позже женщина в депрессии призналась Системе Поддержки, можно было легко интерпретировать как скопидомное нытье из-за дороговизны психотерапии, и после долгой и взвешенной паузы, когда и психотерапевт, и личность в депрессии смотрели на яйцевидную клетку, которую психотерапевт в этот момент сложила пальцами, сцепленными на коленях⁹, – ответила, что, хотя на чисто интеллек-

⁹ Психотерапевт – которая была существенно старше личности в депрессии, но моложе матери личности в депрессии и которая, не считая состояния ногтей, не напоминала мать ни физически, ни стилистически, – иногда раздражала личность в депрессии своей привычкой составлять пальцевую клетку на коленях и менять формы этой клетки, и разглядывать их геометрическое разнообразие во время сеансов. Однако, когда со временем терапевтические отношения углубились в плане близости и доверия, вид пальцевых клеток нервировал личность в депрессии все меньше и меньше, пока не стал едва заметной помехой. Куда более проблематичной в плане доверия и самооценки для личности в депрессии стала привычка психотерапевта время от времени поглядывать на большие солнцеобразные часы на стене позади легкого замшевого кресла, в котором во время сеансов привычно устраивалась личность в депрессии, поглядывать так быстро и почти украдкой, что со временем личность в депрессии все больше и больше волновало даже не то, что она (т. е. психотерапевт) смотрела на часы, но то, что она, видимо, пыталась это *скрыть* или *замаскировать*. Как признавала личность в депрессии, она чрезвычайно болезненно относилась к возможности того, что кому-либо, с кем она пытается связаться и поделиться, втайне скучно или неприятно, или отчаянно хочется как можно скорее избавиться от нее, и потому она с невероятной бдительностью подмечала любые движения или жесты, демонстрирующие, что слушатель следит за временем или хочет, чтобы то шло поскорей, она всегда подмечала, как психотерапевт быстро поглядывала вверх, на стену, либо вниз, на тонкие элегантные наручные часики, циферблат которых скрывался от взгляда личности в депрессии под тонким запястьем психотерапевта; в результате, когда подходил к концу первый год их терапевтических отношений, женщина в депрессии ударилась в слезы и поделилась тем, что чувствовала себя униженной или незначительной каждый раз, когда психотерапевт как будто пыталась скрыть, что желает знать, сколько времени прошло. Большая часть работы личности в депрессии с психотерапевтом в первый год ее (т. е. женщины в депрессии) пути к исцелению и внутриличностной цельности касалась ощущения, что она невероятно и отталкивающе скучна, или косноязычна, или жалким образом заикнулась на себе и не способна поверить, что со стороны человека, с которым она связалась ради поддержки, ее встречают искренний интерес, сострадание и забота; и на самом деле первый значительный прорыв в терапевтических отношениях, как рассказала участницам Системы Поддержки личность в депрессии в период терзаний после смерти психотерапевта, наступил, когда личность в депрессии под конец второго года терапевтических отношений успешно соприкоснулась с внутренними стержнем и ресурсами, чтобы суметь с напором поделиться с психотерапевтом, что она (т. е. вежливая, но напористая личность в депрессии) предпочла бы, чтобы психотерапевт открыто смотрела на солнцеобразные часы или открыто поворачивала запястье и смотрела на наручные часы, а не, как кажется, считала – или, по крайней мере, со сверхчувствительной точки зрения личности в депрессии казалось, будто психотерапевт так считала, – что личность в депрессии можно обхитрить, превратив вероломное наблюдение за временем в какой-нибудь жест, притворяющийся случайным взглядом на стену или рассеянным движением клеткообразной пальцевой фигуры на коленях. Еще один важный момент терапевтической

туальном, или «головном», уровне она могла бы со всем уважением не согласиться с сутью, или «пропозициональным содержанием», того, о чем говорила личность в депрессии, тем не менее она (т. е. психотерапевт) всецело поддерживает ее в любых признаниях о чувствах, которые в ней (т. е. в личности в депрессии¹⁰) вызывают сами психотерапевтические отношения, чтобы

работы, которого личность в депрессии и психотерапевт достигли вместе – и о котором психотерапевт высказалась, что, по ее личным ощущениям, это плодотворный скачок роста и повышение уровня доверия и честности между ними, – случился на третий год терапевтических отношений, когда личность в депрессии наконец создалась, что еще ей казалось унижительным, когда с ней говорят так, как с ней говорит психотерапевт, т. е. личность в депрессии чувствовала покровительственное, снисходительное отношение и/или отношение как к ребенку в те моменты их совместной работы, когда психотерапевт начинала снова и снова утомительно сюсюкать о том, какие у нее для личности в депрессии существуют терапевтические философии, цели и желания; плюс не говоря о том – раз уж об этом зашла речь, – что она (т. е. личность в депрессии) также иногда чувствовала унижение и обиду, когда психотерапевт поднимала взгляд от клетки пальцев на личность в депрессии и на ее (т. е. психотерапевта) лицо снова возвращалось привычное выражение спокойствия и безграничного терпения – признаться, она знала (т. е. личность в депрессии знала), что это выражение предназначено передавать неосуждающее внимание, интерес и поддержку, но тем не менее иногда, с точки зрения личности в депрессии, оно скорее передавало эмоциональную отстраненность, врачебную дистанцию, словно личность в депрессии вызывала исключительно профессиональный интерес, а не вовлеченные личные интерес, сопереживание и сочувствие, которых, как иногда казалось, ей смертельно не хватало всю жизнь. Это злило, создалась личность в депрессии; она часто чувствовала злобу и обиду из-за того, что была лишь объектом профессионального сочувствия психотерапевта или милосердия и абстрактной вины ее якобы «подруг» из жалкой «Системы Поддержки».

¹⁰ Хотя женщина в депрессии, как она позже признавалась Системе Поддержки, жадно искала на лице психотерапевта следы негативной реакции, пока она (т. е. женщина в депрессии) открывалась и вытаскивала все свои потенциально отталкивающие чувства от терапевтических отношений, тем не менее к этому моменту сеанса она достигла такой эмоциональной честности, что смогла открыться еще больше и со слезами поделиться унижительной и даже жестокой мыслью, что, например, сегодня (т. е. в день плодотворно честных и важных рабочих отношений личности в депрессии и психотерапевта), в момент, когда время приема личности в депрессии у психотерапевта истечет и они встанут с кресел и сухо обнимутся на прощание до следующей встречи, – что в этот самый момент все на вид вовлеченные и личные внимание, поддержка и интерес психотерапевта без труда сместятся с личности в депрессии на следующую жалкую презренную ноющую зацикленную на себе *дурочку* с пятачком, брекетами и толстыми ляжками, которая как раз ждала снаружи, читая потрепанный журнал, ждала, когда можно будет ввалиться и на час жалко вцепиться в край мантильи психотерапевта в таких отчаянных поисках лично заинтересованного друга, что она даже готова платить в месяц за жалкую временную иллюзию друга столько же, сколько за свою ебаную *квартиру*. Личность в депрессии отлично понимала, уступила она, – подняв руку с нервно обкусанными пальцами, чтобы психотерапевт не перебивала, – что профессиональное отстранение психотерапевта на самом деле не так уж несовместимо с настоящей заботой и что аккуратное сохранение профессионального, а не личного уровня заботы, поддержки и обязательств означало, что на эти поддержку и заботу можно рассчитывать, и она всегда Будет Рядом С личностью в депрессии, и та не падет жертвой превратностей неминуемых конфликтов и недопониманий или естественных флуктуаций личного настроения и эмоциональной способности к сопереживанию психотерапевта в конкретный день, которые были характерны для менее профессиональных и более личных межличностных отношений; не говоря уже, что ее (т. е. психотерапевта) профессиональное отстранение означало, что как минимум в пределах прохладного, но милого домашнего кабинета психотерапевта и отведенных совместных трех часов каждую неделю личность в депрессии может быть полностью честна и открыта и не бояться, что психотерапевт воспримет эти чувства близко к сердцу и разозлится, или станет холодной, или осуждающей, или насмешливой, или нетерпимой, или даже застыдит, или засмеет, или бросит личность в депрессии; на самом деле, как ни иронично, сказала личность в депрессии, она слишком хорошо понимала, что психотерапевт была для нее – или по крайней мере для изолированной, терзаемой, нуждающейся, жалкой, эгоистичной, избалованной, раненой частички Внутреннего Ребенка личности в депрессии – абсолютно *идеальным* другом: т. е., в конце концов, вот есть человек (он же психотерапевт), который всегда Будет Рядом С ней, будет слушать, и по-настоящему заботиться, и сопереживать, и оставаться эмоционально доступным, и вкладываться, и проявлять участие, и поддерживать личность в депрессии, но при этом не требовать абсолютно ничего взамен в плане сопереживания или эмоциональной поддержки или чтобы личность в депрессии хоть раз по-настоящему заботилась или хотя бы помнила о реальных чувствах и нуждах психотерапевта как живого человека. Личность в депрессии также прекрасно знала, заверила она, что, по сути, именно 90 долларов в час и делали симулякр дружбы в терапевтических отношениях столь идеально односторонним: т. е. единственным ожиданием или требованием, которое психотерапевт предъявляла личности в депрессии, были прописанные в контракте 90 долларов; при удовлетворении этого единственного требования все отношения фиксировались исключительно на личности в депрессии. На рациональном, интеллектуальном, «головном» уровне личность в депрессии полностью осознавала все эти реалии и баланс, объяснила она психотерапевту, и потому, конечно, у нее (т. е. у личности в депрессии) не было разумной причины или повода чувствовать те пустые, нуждающиеся, детские чувства, которыми она только что, беспрецедентно рискуя с эмоциональной точки зрения, поделилась; и все же личность в депрессии создалась психотерапевту, что на каком-то примитивном, эмоционально интуитивном уровне, или уровне «нутра», она чувствовала, как унижительно, оскорбительно и достойно жалости, что из-за хронической эмоциональной боли, изоляции и неспособности связываться с людьми она вынуждена тратить 1080 долларов в месяц, чтобы оплачивать, по большому счету, лишь воображаемого друга, который помогал осуществиться по-детски нарциссическим фантазиям о том, как ее эмоциональные нужды удовлетворяются без взаимного удовлетворения, сопереживания или даже принятия во внимание чужих эмоциональных нужд, без тех самых направленных на другого сопереживания и внимания, которые, как в слезах создалась личность в депрессии, она уже отчаялась в себе отыскать. Здесь личность в депрессии вставила, что часто волновалась, несмотря на множественные

можно было их вместе проработать и исследовать безопасные и подходящие среды и контексты для их выражения.

травмы, от которых настрадалась в попытках отношений с мужчинами, что именно ее неспособность выбраться из токсичной нуждаемости, Быть Рядом С другим и по-настоящему эмоционально *отдаваться* и превратила попытки создать близкие, взаимные, участливые партнерские отношения с мужчинами в такую терзающую унижительную всеобъемлющую катастрофу. Далее личность в депрессии, как она позже рассказывала избранным элитным «центральным» участницам Системы Поддержки после смерти психотерапевта, вставляла в плодотворной беседе с психотерапевтом, что ее (т. е. личности в депрессии) обиды по поводу цены терапевтических отношений в размере 1080 долларов/месяц возникли, по сути, не столько из-за дороговизны – такие траты она может себе позволить, свободно признавала она, – сколько из-за унижительной *идеи* платить за искусственную одностороннюю дружбу и исполнение нарциссических фантазий, а потом горько рассмеялась (т. е. личность в депрессии горько рассмеялась во время оригинальной вставки в беседу с психотерапевтом), чтобы показать, как в своей оговорке, будто спорная здесь не сама трата, но «принцип», слышала и узнавала ненамеренный отголосок холодных, щепетильных, эмоционально недоступных родителей. На самом деле ей казалось, – как личность в депрессии позже призналась поддерживающим подругам, – что эта плата за терапию по 90 долларов в час была чуть ли не выкупом или «деньгами за крышу», которые освобождали личность в депрессии от обжигающего внутреннего стыда и досады из-за звонков отдаленным бывшим подругам, которых она, блин, уже годами <не видела> и с которыми у нее не осталось законного права считаться подругами, звонить без спросу по ночам и вторгаться в функциональные и радостные благодаря блаженному неведению – пусть даже, может, и в чем-то поверхностные – жизни, и бесстыдно опираться на них, и постоянно связываться, и пытаться артикулировать суть ужасной и непрерывной боли от депрессии, хотя именно из-за этих боли, отчаяния и одиночества она и стала, как сама знала, слишком эмоционально изголодавшейся, нуждающейся и заикленной на себе, чтобы когда-нибудь в ответ по-настоящему Быть Рядом С дальнегородними подругами, если те захотят связаться, поделиться и опереться в ответ, т. е. она (т. е. личность в депрессии) отличалась такими достойными презрения жадностью и нарциссической всенуждаемостью, что только идиот бы подумал, будто участницам «Системы Поддержки» они не бросились в глаза и не оттолкнули и будто те не оставались на связи только из неприкрашенного и самого абстрактного милосердия, постоянно закатывая глаза, корча гримасы, глядя на часы и желая, чтобы телефонный разговор наконец закончился или чтобы она (т. е. жалкая и нуждающаяся личность в депрессии на том конце провода) названивала кому угодно, только не ей (т. е. скучающей, отверженной, закатывающей глаза якобы «подруге»), или чтобы в прошлом ее не отправляли жить в одну комнату с личностью в депрессии, или даже не отправляли учиться в ту самую школу-интернат, или даже чтобы личность в депрессии не родилась и не существовала, так что все это было совершенно невыносимо, жалко и унижительно, «если сказать по правде», если психотерапевту так хотелось услышать «совершенно честное признание без цензуры», которое, по ее заверениям, «[ей] всегда так хотелось [услышать]», что, как личность в депрессии позже созналась Системе Поддержки, она с насмешкой прошипела в лицо психотерапевту, тогда как на ее лице (т. е. лице личности в депрессии во время плодотворного, но все более гадкого и унижительного терапевтического сеанса на третьем году) была, как она себе представляла, гротескная смесь ярости, жалости к себе и полнейшего унижения. Из-за живо представляемого перед воображением собственного яростного лица личность в депрессии начала в этот момент под конец сеанса совершенно искренне всхлипать, хныкать, шмыгать и сопеть, как она позже поделилась с доверенными подругами. Потому что нет, если психотерапевт действительно хотела правды, всей сокровенной правды уровня «нутра» под защитными злостью и стыдом, поделилась личность в депрессии, почти свернувшись в позу эмбриона под солнцезащитными часами и всхлипывая, но сделав сознательный выбор не заботиться вытирать глаза или даже нос, то личность в депрессии <по-настоящему> чувствовала, что это *по-настоящему* нечестно, когда она чувствует себя в состоянии – даже здесь, на сеансе с доверенной и сочувствующей психотерапевтом, – чувствует себя в состоянии поделиться только болезненными обстоятельствами и прозрениями касательно депрессии, ее этиологии, текстуры и множества симптомов, но не могла по-настоящему общаться, артикулировать и выразить <сами> ужасные непрерывные терзания депрессии, терзания, что являлись первостепенной и невыносимой реальностью каждой черной минуты ее жизни, – т. е. не могла поделиться *самим* чувством, тем, как она ежедневно себя <чувствовала> из-за депрессии, истерически рыдала она, беспрепятственно колотя по замшевым подлокотникам мягкого кресла, – или связаться, общаться и выразить кому-нибудь, кто мог не только выслушать, понять и позаботиться, но и мог бы суметь действительно <почувствовать> ее с ней (т. е. почувствовать то, что чувствовала личность в депрессии). Личность в депрессии созналась психотерапевту, что <действительно> представляла, что ей <действительно> по-настоящему катастрофически не хватало способности как-то по-настоящему, действительно буквально «поделиться» ею (т. е. непрерывной пыткой хронической депрессии). Она сказала, что депрессия кажется настолько определяющей и фундаментальной в ее сущности и человечности, что неспособность поделиться внутренним ощущением депрессии или даже описать, на что это похоже, напоминает, например, отчаянное желание, на грани жизни и смерти, описать солнце в небесах, но все же при этом быть в состоянии или иметь разрешение только показывать на тени на земле. Она так устала показывать на тени, всхлипнула она. Потом она (т. е. личность в депрессии) тут же осклабя и горько рассмеялась над собой, и извинилась перед психотерапевтом за такую витиевато мелодраматическую и полную жалости к себе аналогию. Всем этим позже личность в депрессии поделилась с Системой Поддержки, пересказывая все в мельчайших деталях и иногда по несколько раз за вечер во время процесса скорби после смерти психотерапевта от гомеопатического кофеинизма, в том числе ее (т. е. личности в депрессии) реминисценцию о том, как реакция психотерапевта в виде сочувствующего и неосуждающего внимания ко всему, что наконец открыла, излила, прошипела, выплюнула, проныла и прохныкала личность в депрессии во время травматического плодотворного прорыва на сеансе, была такой внушительной и бескомпромиссной, что она (т. е. психотерапевт) даже моргала куда реже, чем любой непрофессиональный слушатель, с каким когда-либо делилась личность в депрессии лицом к лицу. Две текущих самых доверенных «центральных» участницы Системы Поддержки личности в депрессии заметили, почти дословно, что, похоже, психотерапевт личности в депрессии была особенной, и, очевидно, личности в депрессии ее очень не хватает; а одна особенно ценная, сопереживающая и элитная физически больная «центральная» подруга, на которую личность в депрессии

Воспоминания личности в депрессии о терпеливых, внимательных и неосуждающих ответах психотерапевта даже на ее (т. е. личности в депрессии) самые злобные детские, слабоумные жалобы, казалось, вызывали новые, еще более невыносимые чувства утраты и покинутости, как и свежие волны обиды и жалости к себе, в высшей степени отталкивающие, как отлично знала личность в депрессии, в чем и завершила подруг из Системы Поддержки, близких подруг, которым личность в депрессии к этому времени звонила почти постоянно, иногда даже посреди дня, с рабочего места, набирая междугородние рабочие номера близких подруг и упрасывая их отнять время у собственных интересных, стимулирующих карьер и выслушать, поддержать, поделиться, вести диалог, помочь личности в депрессии найти способ проработать эту скорбь и утрату и выжить. Ее извинения за обременение подруг в дневные часы на рабочих местах были затейливыми, запутанными, многословными, барочными, безжалостно самокритичными и практически постоянными, как и выражения благодарности Системе Поддержки только за то, что они Были Рядом С Ней, только за то, что позволили снова почувствовать способность доверять и рисковать связываться с людьми, пусть даже немного, ведь, как говорила личность в депрессии, она чувствовала, что после резкого и молчаливого ухода психотерапевта с новой сокрушительной ясностью узнала – говорила она в микрофон от наушников рабочего телефона, – как далеко находятся люди и как их мало, тех, с кем она могла хотя бы надеяться по-настоящему, без терзаний общаться, делиться и создавать здоровые, открытые, доверительные, взаимные, участливые отношения, на которые можно опереться. Например, ее рабочее окружение – о нем личность в депрессии утомительно ныла уже много раз, что с готовностью признавала, – было совершенно дисфункциональным и токсичным, а совершенно лишенная поддержки эмоциональная атмосфера превращала саму идею установить с коллегами взаимную участливую связь в гротескную шутку. А попытки личности в депрессии вырваться из эмоциональной изоляции, связаться с людьми и попробовать завести и культивировать заботливых подруг и отношения в обществе с помощью церковных групп, холистических курсов йоги и полезного питания или общественных духовых оркестров и тому подобного оказались настолько мучительными, поделилась она, что она едва ли не умоляла психотерапевта отказаться от своего мягкого предположения, будто личность в депрессии должна постараться и все это пробовать. Ну а что до идеи снова сесть в седло, рвануть на гоббсовский мясной рынок «мира свиданий» и вновь попытаться найти и установить здоровую, любящую, функциональную связь с мужчинами в плане физической близости и партнерских отношений или хотя бы просто как у близких и поддерживающих друзей – на этих словах личность в депрессии горько смеялась прямо в микрофон наушников, в которых сидела у своего терминала на рабочем месте, и спрашивала подругу, знавшую ее не хуже любой другой участницы Системы Поддержки, нужно ли углубляться в описание неподатливой депрессии, заметно заниженной самооценки и проблем с доверием, превращающих саму эту идею в химерический полет икаровой фантазии? Взять один пример, рассказывала личность в депрессии прямо на рабочем месте: во втором семестре первого курса колледжа произошел травмирующий инцидент, когда личность в депрессии во время игры в лакросс между колледжами сидела одна на траве рядом с группой популярных и уверенных в себе студентов-парней и издали подслушала, как один из них со смехом сказал о студентке, которую личность в депрессии немного знала, что единственная существенная разница между этой девушкой и туалетом в уборной в том, что туалет не таскается за тобой повсюду с жалким видом после того, как его используешь. Пока она делилась этой историей с поддерживающими подругами, на личность в депрессии внезапно и неожиданно нахлынула волна эмоциональных воспоминаний об одном из первых сеансов, на котором она впервые рассказала об этом случае психотерапевту: тогда во время неловкой начальной стадии

во время процесса скорби опиралась сильнее, чем на кого-либо другого, предложила, что единственный самый подходящий способ выразить любовь и почтить память психотерапевта, и скорбь личности в депрессии от утраты, – попытаться стать для себя такой же особенной, заботливой и неослабевающе участливой подругой, какой была покойный психотерапевт.

терапевтического процесса они вместе проводили простейшую работу над чувствами, и психотерапевт предложила личности в депрессии определить, какое чувство вызвало у нее (т. е. у личности в депрессии) это подслушанное оскорбление в первую очередь: злость, одиночество, испуг или грусть^{11, 12}.

К этому времени процесс скорби из-за смерти психотерапевта, возможно, от ее собственной (т. е. психотерапевта) руки, зашел так далеко, а чувства утраты и покинутости у личности в депрессии стали настолько интенсивными и ошеломляющими, настолько одолели ее рудиментарные защитные механизмы, что, например, когда какая бы подруга, с которой связалась личность в депрессии, наконец ни сознавалась, что ей (т. е. «подруге») ужасно жаль, но ничего не поделаешь, ей *необходимо* повесить трубку и вернуться к требованиям насыщенной, яркой, «бездепрессивной» жизни, первобытный инстинкт, который казался не чем иным, как инстинктом простейшего эмоционального самосохранения, заставлял личность в депрессии отбрасывать последние мелкодисперсные частицы гордости и бесстыдно умолять о двух или хотя бы одной минуте времени и внимания подруги; и если «сочувствующая подруга», выразив надежду, что личность в депрессии поймет, как стать мягче и сострадательней к себе же, твердо стояла на своем и изящно заканчивала беседу, личность в депрессии не тратила времени на бездумное прослушивание гудка, не грызла надкожицу указательного пальца, не терла лоб ладонью и не чувствовала ничего, кроме первобытного отчаяния, а лишь в спешке набирала следующий десятизначный номер из Телефонного списка Системы Поддержки, который к этому этапу скорби был несколько раз ксерокопирован и хранился в телефонной книжке, в файле ТЕЛЕФОН.ВИП на терминале рабочей станции, в бумажнике, в застегнутом внутреннем отделе сумочки, в шкафчике Центра йоги и здорового питания и в особом самодельном кармашке на нахзаце кожаного Дневника чувств личности в депрессии, который она – по предложению покойного психотерапевта – всюду носила с собой.

Личность в депрессии по очереди поделилась с каждым доступным участником Системы Поддержки долей волны эмоционально чувственных воспоминаний о сеансе, где она впервые открылась и рассказала психотерапевту о случае, когда смеющиеся парни сравнивали студентку колледжа с туалетом, и поделилась, что не могла забыть этот случай и что, хоть у нее

---

¹¹ Личность в депрессии, отчаянно стараясь открыться и позволить Системе Поддержки помочь почтить смерть психотерапевта и проработать ее чувства в связи с этим, пошла на риск поделиться осознанием, что во время терапевтического процесса сама редко использовала в диалогах слово «грусть». Обычно она пользовалась словами «отчаяние» и «терзания», и психотерапевт по большей части не спорила с таким мелодраматическим выбором, хотя личность в депрессии давно подозревала, что психотерапевт, вероятно, чувствовала, что ее (т. е. личности в депрессии) выбор слов «терзания», «отчаяние», «пытка» и тому подобных был одновременно мелодраматичным – а значит, нуждающимся и манипулятивным, – с одной стороны, и преуменьшающим – а значит, замешанным на стыде и токсичным, – с другой. Также во время сокрушительного процесса скорби личность в депрессии поделилась с дальнегородными подругами болезненным осознанием, что она вообще-то ни разу не спросила психотерапевта прямо, что она (т. е. психотерапевт) думала или чувствовала в любой конкретный момент во время их работы вместе, а также не спросила ни разу, что она (т. е. психотерапевт) на самом деле думала о ней (т. е. личности в депрессии) как о человеке, т. е. нравилась она лично психотерапевту, не нравилась, считала ли та ее в основном достойной/отталкивающей личностью и т. д. И это только два примера.

¹² Естественно, во время процесса скорби терзаемую психику личности в депрессии случайным и непредсказуемым образом наводняли чувственные детали и эмоциональные воспоминания, давили на нее и наперебой требовали выражения и проработки. Например, мантилья из оленьей шкуры психотерапевта, хотя психотерапевт была почти фетишистски привязана к этому предмету одежды коренных американцев и носила его, кажется, чуть ли не на ежедневной основе, всегда была безупречно чистой и всегда являла собой безупречно необработанный и как будто влажный фон телесного цвета для разнопальцевых клеткообразных фигур, которые подсознательно составляли пальцы психотерапевта, – и личность в депрессии поделилась с участницами Системы Поддержки после смерти психотерапевта, что ей всегда было непонятно, как или благодаря какому процессу оленья шкура мантильи оставалась такой чистой. Личность в депрессии сознавалась, что иногда нарциссически представляла, будто психотерапевт надевает безупречную мантилью цвета кожи только на их встречи. Также в прохладном домашнем кабинете психотерапевта, у стены напротив бронзовых часов и позади кресла психотерапевта, стоял великолепный молибденовый ансамбль из стола и подставки для персонального компьютера, где на одной из полок по бокам от роскошной кофемашины «Браун» выстроились маленькие фотографии в рамках мужа, сестер и сына психотерапевта; и личность в депрессии по телефону в кабинке часто вновь ударялась в слезы утраты, отчаяния и самобичевания, сознавая Системе Поддержки в том, что ни разу не спросила имена любимых психотерапевта.

не было никаких личных отношений или связи со студенткой, которую мужчины сравнили с туалетом, и она даже плохо ее знала, но ее (т. е. личность в депрессии) переполняли ужас и сострадательное отчаяние при мысли о том, что эта студентка стала объектом насмешек и веселого межполового презрения без ее (т. е. студентки, с которой, как вновь призналась личность в депрессии, она почти не общалась) ведома. Личность в депрессии была почти уверена, что на ее (т. е. личности в депрессии) эмоциональном развитии и на способности доверять и связываться именно после этого случая остался глубокий шрам; она решила раскрыться и стать уязвимой, поделившись – пусть только с одной-единственной, самой доверенной и элитной «центральной» участницей текущей Системы Поддержки, – что призналась психотерапевту, как даже сейчас, будучи якобы взрослой, она одержима идеей, что группы смеющихся людей часто высмеивают и унижают ее (т. е. личность в депрессии) без ее ведома. Покойный психотерапевт, как поделилась личность в депрессии с самой ближайшей дальнегородней наперсницей, объяснила, что воспоминание о травматическом случае в колледже и ответная уверенность в презрении и высмеивании – классический пример того, как задержавшийся в развитии эмоциональный защитный механизм взрослого человека может стать токсичным и дисфункциональным, удерживать взрослого в эмоциональной изоляции даже от себя самого и лишать общества и участия, а также может (т. е. токсичный задержавшийся в развитии защитный механизм может) ограничить доступ взрослого человека в депрессии к его собственным драгоценным внутренним ресурсам, к инструментам для установления связи с другими людьми и к способности относиться с уверенностью, мягкостью и сочувствием к самому себе, и что, таким образом, как ни парадоксально, задержавшиеся в развитии механизмы защиты помогали росту тех самых боли и грусти, которые изначально должны были предотвращать.

Именно делаясь этой искренней, уязвимой реминисценцией четырехлетней давности с одной конкретной «центральной» участницей Системы Поддержки, которой, как казалось личности в депрессии, она могла сильнее всего доверять, на которую могла по-настоящему опереться и с которой могла по-настоящему общаться по наушникам с микрофоном, она (т. е. личность в депрессии) вдруг пережила то, что потом назовет эмоциональным озарением, почти таким же травматическим и ценным, как озарение, пережитое девять месяцев назад во время Уикенда экспериментального терапевтического лечения с фокусом-на-Внутреннем-ребенке, когда она почувствовала себя просто слишком катарсически опустошенной и обессиленной и была вынуждена улететь домой. Т. е., сказала личность в депрессии самой доверенной и поддерживающей дальнегородней подруге, похоже, как ни парадоксально, она (т. е. личность в депрессии) как-то обнаружила в себе, на пике чувств утраты и покинутости из-за передозировки психотерапевта натуральными стимуляторами, ресурсы и внутреннее уважение к собственному эмоциональному самосохранению, которые были необходимы для риска наконец попробовать последовать второму из самых сложных и пугающих предложений покойного психотерапевта и открыто попросить некоторых однозначно честных и поддерживающих близких ответить прямо, не чувствуют ли они к ней втайне насмешливого презрения, осуждения или неприязни. И личность в депрессии сказала, что наконец теперь, после четырех лет плаксивого и язвительного сопротивления, она все-таки решилась хотя бы начать задавать доверенным близким этот плодотворный, честный и, возможно, сокрушительный вопрос и что, отлично зная о своей фундаментальной слабости и оборонительном потенциале отрицания и избегания, она (т. е. личность в депрессии) сделала выбор инициировать этот беспрецедентно уязвимый допросный процесс прямо сейчас, т. е. с элитной, несравненно честной и сострадательной «центральной» участницей Системы Поддержки, с которой она как раз делилась своими мыслями и чувствами посредством наушников с микрофоном¹³. Тут личность в депрессии на

¹³ Особенно ценная и участливая дальнегородняя подруга, которой, как решила личность в депрессии, не так унижительно задать вопрос, чреватый открытостью, уязвимостью и эмоциональным риском, была выпускницей самого первого интерната в

мгновение сделала паузу, чтобы пояснить: она твердо решила задавать этот потенциально глубоко травмирующий вопрос без обычных жалких и раздражающих защитных механизмов, без преамбулы, извинений или вставной самокритики. Она желала услышать, без обиняков, как заявила личность в депрессии, беспощадно честное мнение о ней как о личности от самой ценной и близкой подруги в текущей Системе Поддержки – как потенциально негативные, осуждающие и болезненные моменты, так и позитивные, одобряющие, поддерживающие и участливые моменты. Личность в депрессии подчеркнула, что настроена серьезно: пусть это покажется мелодраматичным, но беспощадно честная оценка объективного, хотя и очень заботливого, близкого на данный момент стала для нее почти буквально вопросом жизни и смерти.

Хотя она и боялась, призналась личность в депрессии своей близкой и выздоравливающей подруге, до глубины души, беспрецедентно боялась того, что, как ей казалось, она видит, узнает и с чем соприкасается во время процесса скорби, последовавшего за внезапной смертью психотерапевта, которая почти четыре года была ближайшей и самой доверенной наперсницей, источником поддержки и одобрения личности в депрессии и – ни в коей мере не в обиду участницам Системы Поддержки будет сказано – ее самой лучшей подругой в мире. Потому что личность в депрессии обнаружила, призналась она по межгороду, взяв важный ежедневный Тихий перерыв¹⁴ во время процесса скорби, затихнув, сосредоточившись и заглянув внутрь себя, что она не чувствует, не идентифицирует какие-либо реальные чувства к психотерапевту, т. е. к психотерапевту как человеку, который умер, человеку, который не покончил с собой, только по мнению кого-нибудь в невероятно сильном отрицании, а, значит, человеку, который, как заявила личность в депрессии, наверняка сам страдал от эмоциональных терзаний, изоляции и отчаяния, сравнимых или, вероятно, – хотя она, кажется, могла представить себе такую возможность только на «головном», или чисто абстрактном уровне, призналась личность в депрессии, – даже превосходящих ее собственные. Личность в депрессии поделилась с подругой тем, что самый пугающий подтекст всего этого (т. е. факта, что, даже сосредоточившись и заглянув внутрь, она почувствовала, что не может найти реальных чувств к психотерапевту как к автономному действительному человеческому существу) заключался в том, что терзающая боль и отчаяние после самоубийства психотерапевта относились только к самой личности в депрессии, т. е. к ее утрате, ее покинутости, ее скорби, ее травме, боли и первобытному инстинкту самосохранения. И – как поделилась личность в депрессии, сейчас она идет на дополнительный риск и открывает нечто более ужасное, – что эта сокрушительно пугающая совокупность откровений вместо того, чтобы пробудить чувства сострадания, сопереживания и перенаправления скорби к психотерапевту как к человеку, на самом деле – и здесь личность в депрессии терпеливо дождалась, пока у ее особо доверенной подруги закончится приступ рвоты, чтобы можно было рискнуть поделиться, – эти сокрушительно пугающие откровения, казалось, к ее ужасу, лишь пробудили и породили еще больше чувств касательно самой личности в депрессии. В этот момент беседы личность в депрессии взяла тайм-аут, чтобы торжественно поклясться дальнегородней, тяжелобольной, часто бегающей блевать, но все еще заботливой и близкой подруге, что в том, как она (т. е. личность в депрессии) сейчас связалась с ней, открылась и создалась, нет ничего токсичного или жалкого, манипулятивного, самоубиющего, есть только глубокий и ни на что не похожий страх: личность в депрессии боялась

детстве личности в депрессии, исключительно щедрой и великодушной разведенной матерью двоих детей из Блумфилд-Хиллс, Мичиган, которая недавно перенесла второй курс химиотерапии из-за вирулентной нейробластомы, резко сузившей круг обязанностей и занятий в ее насыщенной, функциональной, взрослой жизни, ярко направленной на окружающих, и потому не только почти всегда была дома, но также могла похвастаться почти беспредельными и бесконфликтными возможностями и временем делиться по телефону, за что личность в депрессии никогда не забывала аккуратно вносить в Дневник чувств ежедневную молитву благодарности.

¹⁴ (т. е. аккуратно составив утреннее расписание так, чтобы освободить двадцать минут, которые психотерапевт уже давно предлагала посвятить концентрации, соприкосновению с чувствами и их осознанию, и занесению в дневник, то есть тому, чтобы посмотреть на себя с сочувственным, неосуждающим, почти клиническим отстранением)

за себя, точнее сказать, за «себя» – т. е. за так называемый характер, или «дух», или даже «душу», т. е. за способность к простейшему человеческому сопереживанию, состраданию и заботе, – сказала она поддерживающей подруге с нейробластомой. Она спрашивает искренне, сказала личность в депрессии, честно, отчаянно: что за человек не может почувствовать ничего – «ничего», подчеркнула она, – ни к кому, кроме себя? И, может быть, никогда не почувствует? Личность в депрессии рыдала в микрофон наушников и говорила, что прямо здесь и сейчас она бесстыдно молит свою нынешнюю самую лучшую подругу и наперсницу в мире, чтобы та (т. е. подруга с вирулентной злокачественной опухолью в мозговом слое надпочечников) поделилась беспощадно откровенным суждением, без стеснений, не сваливаясь в подбадривания, оправдания или поддержку – все равно она не поверит в их искренность. Она ей доверяет, заверила подругу она. Она решила, что сама ее жизнь, хотя и проникнутая терзаниями, отчаянием и неопишным одиночеством, зависела в этот момент пути к истинному исцелению от разрешения – даже если придется отмести прочь гордость, защиту и умолять, добавила она, – некоторым доверенным и аккуратно отобранным участницам Системы Поддержки судить ее. Итак, сказала личность в депрессии с надрывом в голосе, теперь она умоляет единственную и самую близкую свою подругу поделиться самым сокровенным мнением о способности «характера» или «духа» личности в депрессии заботиться о других. Ей нужна обратная реакция, рыдала личность в депрессии, даже если эта реакция частично негативная, болезненная, травматическая или потенциально может стать последней эмоциональной каплей – даже, молила она, если обратная реакция основывается только на холодном интеллектуальном, или «головном», уровне объективного вербального описания; она смирится с этим, обещала она, свернувшись и дрожа чуть ли не в позе эмбриона на эргономичном кресле своего рабочего места, – и потому торопила смертельно больную подругу говорить смело, без околичностей, высказать всё: какие слова и термины вообще могут описать и оценить солипсический, самопожирательный, бесконечный эмоциональный вакуум, губку, которыми она теперь сама себе кажется? Как ей, заглянув в себя, понять и описать, что же такого она столь болезненно узнала о своей личности?

Дьявол – человек занятой

Плюс когда он покупал что-то новое или если прибирал тракторный сарай или чердак, частенько у папани оставалось что-то уже ненужное, что только место занимает и надо мусор сплавить, но это же та еще волынка – срываться до свалки или комиссионки в городе, – так что он просто звонил и размещал объявление в городской газете «Трейдинг пост», что отдаст за так. Хренотень типа дивана, или холодильника, или культиватора старого. В объявлении было: «Бесплатно, приезжайте и забирайте». Но даже так приходилось долго ждать, пока хоть одна душа позвонит, а это штука так и валялась на дорожке к дому и жутко бесила папаню, пока наконец какой-нибудь городской, а то и парочка сразу, не приезжали глянуть. И были они все такие дерганые, с лицами пустыми, как в покере, и вот водили они жалом, и тыкали ногой в эту штуку, и донимали: «Где взяли что случилось почему неймется сплавить». Качали головами, и спрашивали своих миссис, и ломались, и чуть папаню до греха не доводили, ведь он-то всего лишь хотел отдать старый культиватор за так и убрать с дороги, а теперь приходится тратить время и втюхивать этим. И однажды вот что он стал делать, если хотелось что сплавить: размещал объявление в газете «Трейдинг пост» и объявлял какую-нибудь дурацкую цену от балды, которую придумывал прямо во время разговора с «Трейдинг пост». Какую-нибудь дурацкую цену почти за так. «Старая борона с парой зубцов чутка ржавая \$5», «Диван-кровать JCPenny желто-зеленая \$10» и всё в таком духе. Тогда частенько народ стал позванивать в первый же день объявления в «Трейдинг пост», и приезжал из города и даже срывался откуда подальше, из других мелких городков, где тоже есть «Трейдинг пост», и люди тормозили, весь гравий с дорожки разбрасывали, и едва глядели на эту штуку, и начинали дозвлетать на папаню, мол, бери пять или десять баксов сразу, пока другой народ не купил, и если было что тяжелое, например диван, то я помогал грузить, и они тут же все забирали и срывались с места. И лица-то у них были другие, и лица их супружниц в грузовике, добрые все, и зубы тебе скалят, и миссис приобнимут, и папане делают ручкой, пока назад сдают. Радости полные штаны, что купили старую борону почти даром. Я спросил папаню, какой, значит, урок мы должны из этого извлечь, и он сказал, видать, горбатого могила исправит и отправил выгрести гравий из канавы, пока весь слив на хер не забился.

Думай

Ее бюстгальтер расстегивается. Его лоб разглаживается. Он думает встать на колени. Но знает, что тогда подумает она. Морщины сошли со лба из-за некоего откровения. Ее груди освобождаются. Он представляет своих жену и сына. Ее груди теперь ничем не ограничены. У ватного одеяла на постели тюлевая кайма, как маленькая кайма на пачке балерины. Это младшая сестра соседки по общежитию его жены. Все остальные ушли в торговый центр: кто-то за покупками, кто-то посмотреть кино в мультиплексе. У сестры с грудью ровный взгляд и легкая улыбка, легкая и томная, перенятая из СМИ. Она видит, как у него к лицу приливает румянец и разглаживается лоб от некоего открытия – так вот зачем она отпросилась от похода в торговый центр, вот смысл отдельных реплик, взглядов, растянутых моментов за уикенд, которые он списывал на свое тщеславие, воображение. Мы видим такие вещи в поп-культуре по дюжине раз на дню, но воображаем, что мы сами, наше воображение, безумны. Другой мужчина сказал бы, что видел, как ее рука двинулась к лифчику и *освободила* груди. У него слегка подгибаются ноги, когда она спрашивает, что он думает. Ее выражение – с 18-й страницы каталога «Виктория Секрет». Она, думает он, из тех женщин, что не снимет туфли на каблуках, если попросить. Даже если она всегда снимала туфли, она ответит ему знающей, томной улыбкой, страница 18. Когда она поворачивается закрыть дверь, он на секунду видит ее в профиль: ее грудь – полусфера внизу, трамплинный изгиб наверху. Плавный полуоборот и толчок в дверь кажутся напыщенными от многозначительности: он осознает, что она повторяет сцену из любимого фильма. Перед мысленным взором – рука его жены на плечике сына, с почти отеческой нежностью.

Он даже не сам решает встать на колени – просто вдруг чувствует их вес. Из-за этой позы она может подумать, будто он хочет, чтобы она сняла белье. Его лицо на высоте ее трусиков, когда она идет к нему. Он чувствует ткань своих слаксов, текстуру ковра под ней, над ней, у коленей. Ее выражение – комбинация соблазнения и возбуждения, с оттенком легкой улыбки, чтобы показать искушенность, давно утраченные иллюзии. Это такое выражение, что выглядит сногшибательно на фотографии, но становится нелепым, если долго держать его в реальности. Когда он складывает руки перед собой, становится очевидно, что он встал на колени помолиться. Теперь не перепутать, что он делает. Его румянец очень яркий. Ее груди перестают легко дрожать и покачиваться, когда она замирает. Она теперь на той же стороне кровати, но еще не рядом с ним. Его взгляд на потолок – просящий. Его губы беззвучно двигаются. Она в растерянности. Теперь она по-новому относится к своей обнаженности. Не знает, как стоять или смотреть, когда он так усердно глядит вверх. Его глаза не закрыты. Ее сестра и ее муж с детьми, а также жена и маленький сын мужчины поехали в гипермаркет на его минивэне «Вояджер». Она скрещивает руки на груди и быстро оглядывается: дверь, ее блузка и бюстгальтер, старинный туалетный столик жены испещрены солнечным светом, пробивающимся сквозь листья у окна. На миг она пытается представить, что творится у него в голове. У ножки кровати, из-под газовой каймы одеяла, едва выглядывают весы. Хотя бы на миг поставить себя на его место.

От вопроса, что она задает, его лоб морщится, он вздрагивает. Она скрестила руки на груди. Это вопрос из двух слов.

– Это не то, что ты думаешь, – говорит он. Его глаза не покидают пространства между ними и потолком. Теперь она осознаёт, как стоит, как глупо это может выглядеть через окно. Вовсе не от возбуждения твердеют ее соски. На ее лбу образуется озадаченная линия.

Он говорит: «Я боюсь не того, что ты думаешь».

И что, если она присоединится к нему на полу, так же умоляюще сложив руки: точно так.

Но смысла нет

А вот реально странная история. Пару лет назад, когда мне было 19, я готовился съехать из дома родаков и жить сам по себе, и однажды, пока собирался, вдруг нашло воспоминание, как в детстве отец один раз болтал членом у меня перед носом. Воспоминание пришло как гром среди ясного неба, но такое четкое и реалистичное, что я сразу понял, это правда. Я вдруг понял, что это действительно произошло, что это не сон, хотя и была в нем такая причудливая странность, как во сне. В этом внезапном воспоминании. Мне где-то 8 или 9, и я сижу один в гостиной, после школы, смотрю телик. Спустился и вошел в гостиную отец, и встал передо мной, типа между мной и теликом, ни слова не говоря, и я ни слова не говорю. И, ни слова не говоря, он достал член и как бы поболтал им у меня перед носом. Помню, дома никого не было. Кажется, дело было зимой, потому что в гостиной стоял холод, и я завернулся в мамин плед. Вот в чем где-то половина абсолютной странности случая, когда отец болтал членом у меня перед носом, – за все это время он не сказал ни слова (я бы вспомнил, если бы он что-то говорил), и в памяти не осталось ничего о том, каким было его лицо – ну, какое выражение. Не помню, смотрел он вообще на меня или нет. Помню только член. Член как бы завладел всем моим вниманием. Отец просто поболтал им у меня перед носом, не говоря ни слова, не добавив никакого комментария, встряхнул как в туалете, ну, как когда в туалете стряхивают, – но в то же время, помню, было в этом что-то угрожающее, даже унижающее, будто член был кулаком, который он сунул мне под нос, мол, поговори мне тут, и помню, я сижу, завернутый в плед, и не могу встать или отодвинуться от члена, и помню, что я только двигал туда-сюда головой, чтобы убрать его от лица (член). Это один из таких совершенно причудливых случаев, которые настолько странные, что они словно не происходят, даже когда происходят. Единственный раз до этого я видел член отца в раздевалке. Помню, как двигал туда-сюда головой, а сам не шевелился, и член как бы следовал за мной туда-сюда, и в голове мелькали самые причудливые мысли, типа: «Я двигаю головой, как змея» и т. д. Это был не стояк. Помню, что член был чуть темнее, чем тело, и с большой уродливой веной на боку. Маленькая дырочка на конце казалась узенькой и злой, и она открывалась и закрывалась, когда отец болтал членом, угрожающе целясь им мне в лицо, куда бы я не отодвинулся. Такое воспоминание. И после этого (после воспоминания) я бродил по дому родаков как в тумане, как типа оглушенный, вообще не в себе, но никому не говорил, ничего не спрашивал. Я знаю, что это был единственный раз, больше отец ничего подобного не делал. Я это вспомнил, когда упаковывал вещи, обходил магазины в поисках старых коробок для переезда. Иногда я в шоке бродил по дому родаков, очень странно себя чувствуя. Все думал о внезапном воспоминании. Входил в комнату родаков, потом спускался в гостиную. В гостиной вместо старого телика стоял домашний кинотеатр, но мамин плед еще был на месте, раскинутый на спинке дивана, когда им не пользовались. Тот же плед, что и в воспоминании. Я все пытался понять, зачем отец так сделал, о чем он думал, что он этим как бы имел в виду, и пытался вспомнить, что у него было за выражение или эмоция на лице.

Но дальше больше, потому что наконец-то я – в день, когда отец отпросился после обеда с работы, и мы встретились и взяли напрокат фургон для переезда, – я наконец-то – в фургоне, по дороге домой из проката, – рассказал о воспоминании и спросил его. Спросил прямо. Вряд ли к такому можно подвести. Папа заплатил за фургон с карточки, и он же вел его до дома. Помню, радио в фургоне не работало. И тут как (с его точки зрения) гром среди ясного неба я вдруг рассказываю отцу, что совсем недавно вспомнил день, когда еще был маленьким, а он спустился и поболтал членом у меня перед носом, и, типа, вкратце описал, что помню, и спросил: «Это что была за *хрень*?» Он ехал дальше и ничего не говорил и не делал в ответ, а я упорствовал и снова поднял тему и снова задал те же вопросы (я сделал вид, что он, может, не

расслышал в первый раз). И что потом делает отец – мы в фургоне, на короткой прямой дороге рядом с домом родаков, готовимся к моему переезду, – он, не убирая рук с руля и не шевельнув ни единым мускулом, кроме шеи, поворачивается ко мне и одаривает таким *взглядом*. Не злым взглядом и не удивленным, как будто он решил, что ослышался. И не говорит там: «Да что с тобой, мать твою» или «Иди-ка ты знаешь куда», – ничего из того, что говорит, когда видно, что он злится. Не говорит ни слова, но этот его *взгляд* говорит все, типа он поверить своим ушам не может, что я сморозил такую херню, типа он отказывается верить, и что ему противно, и типа он не просто ни разу в жизни не болтал передо мной в детстве членом без причин, но сам факт, что я мог, блин, *представить*, что он болтал передо мной членом, а потом еще и типа *поверить* в это, а потом возникнуть перед ним в арендованном фургоне и типа *обвинять*, и т. д. и т. д. Взгляд, с которым он отреагировал тогда, в фургоне на дороге, когда я поднял тему воспоминания и прямо о нем спросил, – вот что стало для меня последней каплей в отношениях с отцом. Когда он медленно повернулся и одарил меня взглядом, то словно говорил, что он меня стыдится, и даже стыдится, что я вообще его родная кровь. Представьте, будто вы в огромном шикарном ресторане с дресс-кодом или на банкете, с отцом и будто, типа, вы внезапно лезете на банкетный стол, и снимаете штаны, и срете прям на стол, у всех в ресторане на глазах, – вот таким взглядом вас одарит отец, если вы так сделаете (насрете). Примерно тогда, в фургоне, я и почувствовал, что готов его убить. На секунду мне захотелось провалиться под сиденье фургона, так стало стыдно. Но всего через долю секунды я так разозлился, что был готов его убить. Странно: само по себе воспоминание меня не разозлило, только оглушило, как после контузии. Но в том арендованном фургоне, когда отец даже ничего не сказал, а только в тишине довез нас до дома, не снимая рук с руля, и с этим взглядом в ответ на мой вопрос – вот тогда я охренеть как разозлился. Я всегда думал, что, когда говорят, будто от бешенства глаза застилает красная пелена – это только фигура речи, но это правда. Я упаковал шмотки в фургон, уехал и больше чем на год порвал все связи с родаками. Ни слова. Моя квартира – в том же городе – была от них, может, в паре километров, но я им даже телефонного номера не сказал. Делал вид, что их нет. Настолько мне было противно, так я разозлился. Мама понятия не имела, почему я порвал все связи, но ей-то я об этом не собирался говорить ни слова и знал, просто охренеть как был уверен, что отец ей тоже ничего не рассказывал. Когда я переехал и порвал все связи, у меня еще месяцами перед глазами стояла красная пелена, ну или как минимум розоватая. Я уже редко думал про воспоминание об отце, который болтал передо мной членом в детстве, но ни дня не проходило, чтобы я не вспомнил тот взгляд в фургоне, когда я поднял тему воспоминания. Убить его хотелось. Месяцами думал прийти домой, когда никого нет, и ввалить ему люлей. Сестры понятия не имели, почему я порвал с родаками, и говорили, что я, наверное, с ума сошел и что разбиваю маме сердце, и, когда я им звонил, постоянно пилили меня, что я, ничего не объяснив, порвал все связи, но я злился, знал, что умру, но до могилы больше никому не скажу об этом говне ни слова. Не потому, что зассал, но был в таком охерительном бешенстве, что казалось, типа, если об этом упомяну и увижу косой взгляд, случится страшное. Почти каждый день я представлял, как прихожу домой и вваливаю отцу люлей и он все спрашивает, за что, что это значит, а я ничего не говорю, и на лице у меня ни выражения, ни эмоции.

Потом, когда прошло время, я мало-помалу успокоился. Я по-прежнему знал, что воспоминание, как отец болтает передо мной членом в гостинной, реально, но мало-помалу начал осознавать, что если я помню об этом случае, то это не значит, что о нем помнит *отец*. Я начал понимать, что, может, он напрочь забыл тот случай. Возможно, случай был настолько странным и необъяснимым, что отец психологически заблокировал его в памяти, и, когда я как гром среди ясного неба (с его точки зрения) поднял тему в фургоне, он даже не вспомнил, что делал что-то настолько причудливое и необъяснимое, то есть вошел в гостиную и угрожающе поболтал членом перед маленьким ребенком, и подумал, что я свихнулся на хрен, и одарил

взглядом, говорившим, что ему противно это слышать. Не то чтобы я до конца поверил, что отец ничего не помнит, но, скорее, мало-помалу я признавал, что, вполне возможно, он это заблокировал. Мало-помалу начинало казаться, что мораль воспоминаний о таких странных случаях – «возможно всё». Через год я дошел до состояния, когда решил, что если отец готов забыть, как я рассказываю о воспоминании в фургоне, и никогда не поднимать эту тему, то и я готов все забыть. И я был просто *охренеть* как уверен, что сам эту тему больше никогда не подниму. Я дошел до этой мысли как раз перед Четвертым июля, а еще это день рождения моей младшей сестры, и потому я как гром среди ясного неба (для них) позвонил родокам и спросил, можно ли прийти на день рождения сестры и посидеть с ними в особом ресторане, куда мы обычно ходили на ее день рождения, потому что она его обожает (ресторан). Этот ресторан, в центре нашего городка, – итальянский, довольно дорогой, с темным деревянным декором и с меню на итальянском (мы не итальянцы). Иронично, что именно в этом ресторане на день рождения я собирался снова наладить контакт с родоками, потому что в детстве по нашей семейной традиции это был «мой» особый ресторан, куда меня всегда водили отмечать день рождения. Я в детстве почему-то вбил себе в голову, что ресторан принадлежит мафии, которую в раннем детстве просто обожал, и всегда донимал родоков, чтобы меня туда сводили хотя бы на день рождения – а потом, пока я мало-помалу рос, я его перерос, а он почему-то стал особым рестораном моей младшей сестры, будто она его унаследовала. Там красно-черные клетчатые скатерти, все официанты похожи на солдат мафии, а на ресторанных столиках всегда стоят пустые винные бутылки со свечками в горлышке, которые таяли, и воск застывал на боках бутылки, оставляя разноцветные линии и всякие разводы. В детстве, помню, у меня была странная любовь к винным бутылкам со следами высохшего воска, и отцу часто, раз за разом, приходилось меня одергивать, чтобы я не колупал воск. Когда я приехал в ресторан, в пиджаке и галстук, все уже собрались, сидели за столом. Помню, мама очень оживилась и была очень рада просто меня видеть, и я понял – она готова забыть год молчания, настолько рада, что вся семья в сборе.

Отец говорит: «Ты опоздал». На его лице ноль эмоций. Мама говорит: «Боюсь, мы уже все заказали, это ничего?»

Отец говорит, что они уже сделали заказ за меня, потому что я немного запоздал.

Я сел и с улыбкой спрашиваю, что мне заказали.

Отец говорит: «Курицу с престо, мать тебе заказала».

А я говорю: «Но я ненавижу курицу. Всегда ненавидел. Как же вы забыли, что я ненавижу курицу?»

Мы все поглядели друг на друга, за столом, даже младшая сестра, даже ее бойфренд с прической. Одну долгую долю секунды все смотрели друг на друга. Тут официант принес всем курицу. Тогда отец улыбнулся, показал мне в шутку кулак и сказал: «Иди-ка ты знаешь куда». Тогда мама приложила руку к груди, как делает, когда боится, что будет слишком сильно смеяться, и рассмеялась. Официант поставил передо мной тарелку, и я делаю вид, что смотрю на нее и кривлюсь, и все рассмеялись. Хорошо было.

Короткие интервью с подонками

КИ № 40 06/97

БЕНТОН-РИДЖ, ОГАЙО

Это рука. Так и не скажешь, что она актив, да. Но это рука. Хотите посмотреть? Не противно? Ну вот она. Вот рука. Вот почему меня все зовут Однорукий Джонни. Я эту кличку сам придумал, не то чтобы кто-то надо мной издевался – я сам. Вижу, что вы из вежливости не смотрите. Но ничего, давайте, смотрите. Меня не волнует. Про себя я зову ее не рукой, а Активом. Как бы вы ее описали? Давайте. Думаете, я обижусь? Хотите, чтобы сам описал? Как будто рука передумала в самом начале игры, пока была в мамином животике с остальными моими запчастями. Больше похожа на малюсенький плавничок, такая крохотная, влажная на вид и темнее всего тела. Она кажется влажной, даже когда сухая. Не самый приятный вид. Обычно держу ее в рукаве, пока не настает пора достать и пустить в дело Актив. Заметьте, что плечо нормальное, как и второе. Только рука. Доходит где-то до сосочка у меня на груди, видите? Мелкая сволочь. Вид неприятный. Двигается нормально, я нормально ей двигаю. Если присмотреться, тут на конце такие мелкие пупырышки – можно догадаться, что они хотели стать пальцами, но не сформировались. Когда я был в животике. Другая рука – видите? Нормальная, малость мускулистая, ведь я только ею и пользуюсь. Нормальная и длинная, и правильного цвета, эту руку я всегда держу на виду, а для другой в основном подтыкаю рукав так, будто нет вообще никакой руки. Но сильная. Рука то есть. Глаза режет, но сильная, иногда я соревнуюсь в армрестлинге, чтобы показать, какая она сильная. Сильный сволочной плавничок. Ну, если решатся дотронуться. Я всегда говорю, что если трогать не решаетесь, то ничего, мне не обидно. Хотите потрогать?

Вопрос.

Нормально. Нормально.

Вопрос.

Вот в чем штука: ну, во-первых, тут хватает девушек. Понимаете, о чем я? У нашего литейного, в «Лейнсе». Там пивнушка прям в одной автобусной остановке. Джекпот – это мой лучший друг, – Джекпот и Кенни Кирк – Кенни Кирк его двоюродный брат, Джекпота, они оба старше меня в литейном, потому что я, в отличие от некоторых, окончил школу, так что вступил в профсоюз позже всех, – они парни смазливые, нормальные. Умеют Обращаться С Дамой, если понимаете, о чем я, и там всегда зависают девчонки. Мы компанией, нашей компанией или группой, мы просто тусим в стороне, пиво пьем. Джекпот и Кенни всегда встречаются то с одной, то с другой, а у тех обязательно есть подружки. Ну знаете. Нас там целая, скажем, целая компания. Улавливаете ситуацию? И я начинаю общаться с той или другой, и через некоторое время первая стадия – я рассказываю им, как получил прозвище Однорукий Джонни, и про руку. Это первая стадия проекта. Проекта перепихнуться при помощи Актива. Описываю им руку, пока она еще в рукаве, и рассказываю так, будто это самая уродливая хреновина в мире. У них тут же такой вид типа Ох Бедняжка, Зачем Ты Так Жесток К Себе, Не Надо Стыдиться Руки. И тэ дэ. Какой я приятный молодой человек и как им грустно слышать, что я так о себе говорю, тем более что я не виноват, что уродился с такой рукой. Как только они так заговорят на этой стадии, следующая стадия – спросить, не хотят ли они на нее взглянуть. Я говорю, как стыжусь руки, но почему-то доверяю им, и они кажутся хорошими, и, если хотят, я раскрою рукав и достану руку и дам им посмотреть на нее, если они думают, что выдержат. Все треплюсь о руке, пока у них уши в трубочку не сворачиваются. Иногда это какая-нибудь бывшая Джекпота, которая идет со мной от «Фрейм Элевен» до «Лейнса» и говорит, какой я хороший слушатель и чувствительный, не то что Джекпот или Кенни, и она поверить не может, что рука так ужасна, как я говорю, и все такое. Или мы зависаем у нее на квартире, в кухне или еще

где, и я начинаю: Тут Так Жарко, Я Бы Снял Рубашку, Но Не Могу, Потому Что Стыжусь Руки. Как-то так. Есть несколько стадий. Я никогда не называю ее вслух Активом, уж поверьте. Давайте, потрогайте, где хотите. Одна из стадий – я знаю, что через некоторое время начинаю пугать девушку, это ясно как день, ведь я только и говорю о руке, и какая она влажная, и плавниковая, но и какая сильная, но я готов просто взять и умереть, если какая-нибудь красивая, добрая и идеальная девушка вроде, как мне кажется, нее увидит руку и ужаснется, и ясно, что все эти разговоры начинают их пугать, и они начинают думать про себя, что я какой-то лузер, но деваться им уже некуда, ведь, в конце концов, они сами все это время гнали всякую милую пургу про то, что я молодой человек с тонкой душой, и что мне не надо стыдиться, и не может быть, чтобы рука была такая ужасная. На этой стадии они загнаны в угол, и если бросят со мной общаться, то знают, что я скажу Это Все Из-за Руки.

Вопрос.

Обычно около двух недель, где-то так. А дальше критичная стадия, когда я показываю руку. Дожидаюсь, пока мы где-нибудь останемся, только я и она, и вываливаю сволочь. Представляю все так, будто это они меня уболтали, и теперь я им доверяю, и они – те единственные, перед кем я могу наконец раскатать рукав и показать. И показываю, как вам сейчас. Есть еще пара дополнительных приемов, как сделать ее даже страшнее, видите? Вот тут, видите? Это потому, что тут даже не настоящий локоть, а только...

Вопрос.

Или какие-нибудь мази или желе вроде вазелина, чтобы она была совсем влажной и блестящей. Точно говорю, далеко не самый приятный вид, когда я вываливаю ее перед ними. Их чуть ли не тошнит от вида, как я ее достаю. А, и парочка сбегает, некоторые могут сдригнуться прямо в дверь. Но большинство? А большинство из них пару раз тяжело сглотнет и говорит «О Она-Она Она Не Такая Уж Страшная», а сами отворачиваются и в лицо мне не глядят, а у меня уже как раз все время такое совершенно застенчивое, испуганное и доверчивое лицо, я даже могу сделать так, например, чтобы губа немножко дрожала. Виие? Виие ах? И рано или поздно, минут где-то через пять, они берут и начинают плакать. Всё, попались, понимаете. Они же, типа, уже загнаны в угол своими же словами, что рука не может быть такой уж уродской и мне не надо стыдиться, а теперь видят, что она уродская, уродская-уродская-уродская, уж я-то постарался, и что им теперь делать? Прикинуться? Блин, милочка, да местные телки думают, что Элвис еще где-то там живой. От них не стоит ждать чудес логики. И каждый раз они тут ломаются. Им еще хуже, когда я спрашиваю О Боже, Что Случилось, почему они плачут, Неужели Из-за Руки, а им приходится говорить **Вовсе Не Из-за Руки**, приходится, приходится притворяться, что это не из-за руки, просто им очень жалко меня, что я стыжусь, хотя тут нет ничего страшного, так вот им приходится говорить. Частенько пряча лицо в ладонях и плача. Кульминационная стадия – когда я беру и подхожу к ней, и сажусь рядом, и теперь это я их утешаю. И, как его, важный фактор, до которого я дошел на горьком опыте, – это когда подхожу их обнять и утешить, обнимаю я со здоровой стороны. Больше не показываю Актив. Актив снова в тепле и уюте в своем рукаве. Они разрыдались, а я теперь их обнимаю здоровой рукой и говорю **Ничего, Не Плачь, Не Надо, То, Что Тебе Не Противна Рука, Очень-Очень Много Для Меня Значит, Разве Ты Не Видишь, Ты Освободила Меня От Стыда За Руку, Спасибо-Спасибо**, и тэ дэ, пока они уткнулись лицом мне в шею и просто плачут и плачут. Иногда и меня до слез доводят. Следите за ходом мысли, да?

Вопрос...

Да я вижу больше пилотов, чем сидушка толчка, блин. Без б. Пойдите и спросите Джек-пота и Кенни, если хотите. Это Кенни Кирк назвал ее Активом. Сами спросите.

Тихие шлепки о воду. Звуки отходящих газов. Тихое невольное кряхтенье. Особый вздох старика у писсуара, как он готовится, как расставляет ноги, целится и выпускает вечный вздох, и видно, что сам его не замечает.

Таким было его окружение. Он стоял там шесть дней в неделю. По субботам двойная смена. Звонкая, как иглы и гвозди, моча о воду. Невидимое шуршание газет на голых коленях. Запахи.

Вопрос.

Лучший исторический отель штата. Роскошнейший холл, роскошнейший мужской туалет меж двух побережий, вне всяких сомнений. Мрамор доставлен из Италии. Двери кабинок из выдержанной вишни. Он стоял там с 1969-го. Светильники рококо и резные чаши. Богато и гулко. Гигантская богатая гулкая комната для деловых людей, мужчин с капиталом, мужчин, которые покупают и продают. Запахи. Не спрашивайте о запахах. Разница некоторых мужских запахов, схожесть всех мужских запахов. Все звуки усилены кафелем и флорентийским камнем. Стоны простатиков. Рокот стоков. Резкое отхаркивание скопившейся мокроты, взрывной и фарфоровый плевков. Цокот дорогих туфель по доломитовой плитке. Рык в паху. Отвратительные громоподобные взрывы газа и звук падения в воду. Все такое измельченное из-за перенесенного давления. Твердое, жидкое, газообразное. Все запахи. Запах как окружение. Целый день. По девять часов в день. Стоит в белом, как мороженое «Гуд Хьюмор». Все звуки преувеличены, слегка раскатисты. Мужчины входят, мужчины выходят. Восемь кабинок, шесть писсуаров, шестнадцать раковин. Посчитайте. О чем они думали?

Вопрос...

Там он и стоит. В акустическом центре. Где раньше была стойка чистильщика обуви. В подготовленном месте между концом раковин и началом кабинок. Место, созданное специально для него. Око бури. Сразу после рамы длинного зеркала над раковинами – раковины из флорентийского мрамора, шестнадцать резных чаш, листья сусального золота на металлических деталях, зеркало из хорошего датского стекла. Где состоятельные мужчины выковыривают выделения из уголков глаз и выдавливают угри, сморкаются в раковины и выходят, не смыв. Он стоял целый день с полотенцами и небольшими футлярами туалетных принадлежностей наготове. В шепоте трех вентиляционных отверстий – слабый намек на бальзам. Тренодия вентиляции неслышна, пока комната не опустеет. Он стоит там и когда пусто. Это его занятие, его профессия. Всегда в белом, как массажист. Простая белая рубашка «Хейнс», белые штаны и теннисные туфли, которые приходилось выкидывать, если посадишь хоть пятнышко. Он принимает чемоданы и пальто, стережет, помнит, где чье, не спрашивая. При такой акустике говорят как можно меньше. Возникает у локтей мужчин, чтобы протянуть полотенце. Бесстрастие до самоустранения. Вот профессия моего отца.

Вопрос...

Хорошие двери кабинок не доходят до пола на полметра – почему так? Откуда такая традиция? Произошла от лошадиных стойл? Слово «stall», кабинка, как-то связано со словом «stable», стойло? Хорошие кабинки дают только визуальное уединение и ничего больше. Что там, они усиливают звуки изнутри, словно рупор. Слышно все. Бальзам подслащает и лишь ухудшает запахи. Под дверями кабинок – дефиле дорогих туфель. После обеда кабинки заняты. Длинная прямоугольная рамка с туфлями. Кто-то притоптывает. Кто-то напевает, говорит вслух сам с собой, забыв, что он не один. Газы, кашель, сочные всплески. Дефекация, экскреция, извержение, облегчение, опростание, испражнение. Характерный грохот роликов с туалетной бумагой. Редкий щелчок ножниц для ногтей или депиляции. Истечение. Эмиссия. Оправление, мочеиспускание, деуринация, транссудация, выделение, катарсис – столько синонимов: почему? что мы пытаемся себе сказать всеми этими словами?

Вопрос...

Обонятельный шум одеколонов, дезодорантов, тоников для волос, восков для усов разных мужчин. Богатый букет иностранного и немывтого. Некоторые туфли в кабинках касаются своих напарников нерешительно, опасливо, словно приносиваясь. Влажный шорох ягодиц на мягких сиденьях. Легкий пульс в каждой чаше унитаза. Маленькие последки, пережившие смыв. Нескончаемое журчание и капель писсуаров. Индольная вонь протухшей пищи, экринная нота от рубашек, уремический бриз за каждым смывом. Мужчины, что смывают ногой. Мужчины, что дотрагиваются до ручки двери только через салфетку. Мужчины, что влекут бумагу из кабинок за собой, как хвост кометы, пока бумага зажата в анусе. Анус. Слово «анус». Анусы нуворишей пристраиваются над водой в унитазах, сокращаются, куксятся, растягиваются. Мягкие лица грубо перекошены в напряжении. Старики, которым требуется всевозможная жуткая помощь: опустить и усадить чресла мужчины, подтереть мужчину. Тихо, безмолвно, бесстрастно. Обтряхнуть плечи мужчины, обмахнуть мужчину, снять лобковый волос из складки брюк мужчины. За мелочь. На объявлении все сказано. Мужчины, которые дают чаевые, мужчины, которые не дают. Устраниться полностью, иначе о нем забудут, когда дело дойдет до чаевых. Секрет его поведения – появляться лишь по необходимости, существовать тогда и только тогда, когда он нужен. Подспорье без вторжения. Услуга без слуги. Ни один мужчина не хочет знать, что его нюхает другой мужчина. Миллионеры, которые не дают чаевых. Франты, которые побрызгивают в унитаз и дают пятицентовик. Наследники, которые воруют полотенца. Магнаты, которые ковыряются в носу большим пальцем. Филантропы, которые бросают окурки сигар на пол. «Из грязи в князи», которые плюют в раковину. Баснословные богачи, которые не смывают и не задумываясь предоставляют право смывать другому, потому что к этому они привыкли – как говорится, «чувствуйте себя как дома».

Он отбеливал рабочую форму сам, утюжил. Ни слова жалобы. Бесстрастно. Такой человек, что может простоять на одном месте весь день. Иногда там, в кабинках, видны пятки туфель блюющих. Слово «блевать». Само слово. Мужчины, которых тошнит в помещении с акустикой. Все звуки смертных, в которых он стоял каждый день. Попробуйте представить. Мягкая брань мужчин с запором, мужчин с колитом, кишечной непроходимостью, раздраженным кишечником, лиэнтерией, диспепсией, дивертикулитом, язвой, кровавым поносом. Мужчины с колостомами дают ему пакеты на очистку. Конюший человека. Слышит не слыша. Нужно лишь видеть. Легкий кивок, что в мужском туалете и признание, и отсрочка одновременно. Жуткие метастазные ароматы континентальных завтраков и деловых ужинов. Когда мог – двойная смена. Кусок хлеба, кров, детям на учебу. Его ступни отекали от стояния. Его голые ноги – бланманже. Он принимал душ трижды в день, отскребался дочиста, но работа всюду следовала за ним. Ни слова.

На двери сказано все. МУЖЧИНЫ. Я не видел его с 1978-го и знаю, что он еще там, весь в белом, стоит. Прячет глаза, дабы сохранить достоинство клиентов. А его собственное? Его пять чувств? Как звали тех трех обезьян? Его задача – стоять там, будто он не там. Не взаправду. Есть секрет. Смотреть на особое ничего.

Вопрос.

Я узнал это не в мужском туалете, заверяю.

Вопрос...

Вообразите: не существовать, пока не понадобится мужчине. Быть и все же не быть. Добровольная прозрачность. По необходимости здесь, условно здесь. Как говорится, «жить, чтобы служить». Его профессия. Кормилец. Каждое утро в шесть, поцеловать нас на прощание, на завтрак тост в автобусе. В перерыв он мог поесть по-настоящему. Посыльный сбегает в гастроном. Давление порождает давление. Роскошные отрывки дорогостоящих обедов. На зеркале остатки себума, гноя и высморканного детрита. Двадцать-шесть-нет-семь лет на одной службе. Степенный кивок, с которым он получал чаевые. Неслышное «спасибо» завсегда. Иногда имя. Все эти массы, что вываливаются из всех этих огромных мягких теплых рыхлых

влажных белых анусов, в напряжении. Представьте. Присутствовать при стольких испражнениях. Видеть состоятельных мужчин в самом первобытном состоянии. Его профессия. Профессионал.

Вопрос.

Потому что он приносил работу домой. Лицо, которое он надевал в мужской уборной. Он не мог его снять. Его череп подстроился под лицо. Это выражение, или, вернее, отсутствие выражения. Учтливое и не больше. Начеку, но нигде. Его лицо. Больше чем сдержанное. Словно вечно хранит себя для какого-то грядущего испытания.

Вопрос...

Я не ношу ничего белого. Ни единой белой вещи, всячески вас заверяю. Я либо отправляю потребности в тишине, либо не отправляю. Даю чаевые. Никогда не забываю, что рядом кто-то есть.

Да, и восхищаюсь ли я силой духа этих скромнейших представителей рабочего класса? Стоицизмом? Старосветской выдержкой? Стоять там все эти годы, не пропустив по болезни ни дня, служить? Или я презираю его, гадаете вы, испытываю отвращение, презрение к любому, кто стоит, самоустранившись в миазмах, и выдает полотенца за мелочь?

Вопрос.

...

Вопрос.

А какой, еще раз, был выбор?

КИ № 2 10/94

КАПИТОЛА, КАЛИФОРНИЯ

Милая, нам нужно поговорить. Давно уже нужно. Я хочу... в смысле, мне так кажется. Можешь присесть?

Вопрос.

Так, я почти на все пойду ради тебя, так я о тебе переживаю, и я готов на все, лишь бы тебе не было больно. Меня это очень тревожит, поверь.

Вопрос.

Потому что я переживаю. Потому что я люблю тебя. Настолько, что правда могу быть честным.

Вопрос.

Что иногда я боюсь, что тебе будет больно. И что ты этого не заслуживаешь. В смысле, чтобы тебе было больно.

Вопрос, вопрос.

Потому что, если честно, у меня не очень хорошая предыстория. По чти каждые близкие отношения с женщинами кончались тем, что им как-нибудь было больно. Если честно, иногда я боюсь, что я один из тех, кто использует людей, женщин. Иногда я бо... нет, пошло оно, я буду с тобой честным, потому что я за тебя переживаю, и ты этого заслуживаешь. Милая, предыстория моих отношений показывает, что от меня не бывает ничего хорошего. И в последнее время я все больше и больше опасуюсь, что тебе будет больно, что я могу как-то сделать тебе больно, как, похоже, делал другим, кто...

Вопрос.

Что у меня есть предыстория, паттерн, так сказать, – например, в начале отношений я налетаю очень быстро и сильно, вкладываюсь очень интенсивно и очень сильно, ухаживаю очень интенсивно, влюбляюсь без памяти с самого начала, и очень рано выдаю «Я люблю тебя», и начинаю тут же говорить в будущем времени, и готов сделать и сказать все, чтобы продемонстрировать, как я переживаю, – как следствие, они, естественно, искренне верят, что я правда влюблен – а так и есть, – из-за чего им, видимо, кажется, что их настолько любят и они, так

сказать, настолько уверены в ситуации, что можно говорить «Я люблю тебя» в ответ и признаваться, что тоже в меня влюблены. И это не значит – дай мне это подчеркнуть, потому что это святая истинная правда, – не значит, что я вру, когда так говорю.

Вопрос.

Так, «сколько их было» – это не то чтобы необоснованный вопрос или беспокойство, но если ты не против – я просто не об этом пытаюсь с тобой поговорить, – так что, если ты не против, давай пока не будем о количестве или именах, и я попытаюсь абсолютно честно поговорить о том, что меня беспокоит, потому что я переживаю. Я сильно о тебе переживаю, милая. Очень сильно. Знаю, что одних слов мало, но мне очень важно, чтобы ты поверила мне и думала об этом во время нашего разговора – думала о том, что если я что-нибудь скажу или сделаю то, от чего тебе будет больно, то это ни в коем случае не преуменьшает и не опровергает моих слов и не говорит о том, что я не переживаю или что я врал тебе абсолютно каждый раз, когда говорил, что я тебя люблю. Каждый раз. Надеюсь, ты мне поверишь. Ты это заслужила. Плюс это правда.

Вопрос...

Но дело, как кажется, в том, как будто все, что я говорю и делаю, приводит их к мысли, что у нас очень... очень серьезные отношения, и можно даже сказать, что я как-то *гипнотизирую* их думать в категориях будущего.

Вопрос.

Потому что потом этот паттерн, что ли, кажется, в том, что как только я тебя, так сказать, *получил* и как только ты так же углубляешься в отношения, как и я, тогда я как будто как-то почти органически не способен напирать до конца, и дойти до конца, и сделать... как там это слово...

Вопрос.

Да, точно, именно его, но должен тебе сразу сказать, даже то, как ты это произнесла, наполняет меня ужасом, что тебе уже сейчас больно и ты не понимаешь, что я пытаюсь сказать, в том духе, в каком я пытаюсь говорить, а именно что я честно настолько за тебя переживаю, что хочу честно поделиться своими тревогами о хотя бы отдаленной возможности, что тебе будет больно, – а это, поверь, последнее, чего я хочу.

Вопрос.

Что, изучив предысторию и сделав какие-то выводы, я, как кажется, вижу, как будто что-то во мне в ранней интенсивной части отношений как-то переключается на ускорение и доводит все точно до момента «да» обязательствам, а потом, но потом почему-то не может напирать до конца и сделать эти обязательства действительно серьезными, в будущем времени, обязательными. Как сказал бы мистер Читвин, я просто не из тех, кто добивает. В этом есть какой-то смысл? Мне кажется, я не очень понятно объясняю. Настоящая боль возникает потому, что эта неспособность подключается только после того, как я делаю, говорю и веду себя во всем так, что на каком-то уровне, как я сам не могу не осознавать, намекаю, будто хочу чего-то действительно обязательного в будущем времени, как и они. Вот как бы такая у меня предыстория в этом плане, если честно, и, насколько я вижу, она показывает парня, от которого, как кажется, для женщин не бывает ничего хорошего, что меня и тревожит. Сильно. Что я, кажется, до определенного момента в отношениях кажусь женщинам совершенно идеальным парнем, пока они не прекращают всякое сопротивление и оборону и посвящают себя любви и обязательствам, и кажется, конечно, будто этого я и хотел с самого начала, и над этим так тяжело трудился, и ради этого так интенсивно ухаживал, – как, отлично знаю, я вел себя и с тобой, – чтобы уже стать серьезней и думать в категориях будущего времени, и появляется слово «обязательство», и вот тогда – и, милая, поверь, это очень трудно объяснить, потому что я сам еще очень далек от понимания, – но тогда, в этот самый момент, насколько я могу разобрать, как

правило, что-то во мне как будто включает заднюю, что ли, и теперь вкладывает все ускорение в какой-то отъезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.